

**Н
А
В
Е
К
А**

*Журнал для тех, кто
сохраняет на века
памятники истории и
культуры*

200
№ 7 5

«На века»
№ 7 2005 г.

Редакционная коллегия
Э. Г. Вершинина
С. А. Добрусина
Е. С. Чернина
Н. И. Подгорная

Научный редактор
Е. С. Чернина

Литературный редактор
Э. Г. Вершинина

Корректор
Э. Г. Вершинина

Адрес редакции:
191069, Санкт-Петербург,
наб. р. Фонтанки, 36
Российская национальная библиотека
Федеральный Центр консервации
библиотечных фондов
Тел.: (812) 272-5592
Факс: (812) 272-5592
conservation@nlr.ru
© Российская национальная библиотека
© Федеральный Центр консервации
библиотечных фондов

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	2
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ	
Колосова С. Г. Музей-библиотека «Книги блокадного города»: история создания и опыт работы.....	3
Федорова О. М. «Вокруг света с Крузенштерном».....	13
Новикова Л. И. Библиотеки в путешествиях.....	25
Гербер М. Н. Военно-историческая библиотека, ее сотрудники и помощники.....	33
Руденко П. Е. Фундаментальная библиотека Военно-медицинской академии.....	36
Федорова И. К. Дешифровка табличек с острова Пасхи – достижение Российской науки.....	38
Быстрова М. Н. Библиотека Северо-Западной академии государственной службы в Таврическом дворце.....	49
Буслова Л. И. Между «вчера» и «завтра».....	55
Головина Л. А., Любомирова Е. Ф. Внедрение информационного комплекса «КАИСА-АРХИВ» - расширение доступа к коллекции Центрального государственного архива кинофотодокументов (ЦГАК ФФД) Санкт-Петербурга.....	60
Гуляева З. В. Санкт-Петербургский государственный Театр юных зрителей имени А. А. Брянцева и Музей при Театре.....	62
Якимова В. М. Музей сновидений Зигмунда Фрейда.....	66
Арчакова Ю. Г. Об опыте реставрации калек начала XX века.....	67
Козырева В. А. Реставрация гравюр Пармиджанино.....	73
НАШИ УНИВЕРСИТЕТЫ	
Попихина Е. А. Распространение микроскопических грибов и заселенность ими бумаги.....	74
О НАШИХ КОЛЛЕГАХ	
Чернина Е. С. Первая бригада «ромовцев».....	78

ВВЕДЕНИЕ

В дни празднования 60-летия Победы нашей страны в войне 1941-1945 гг. мы продолжаем рассказывать читателям о «военных» библиотеках. Вместе с тем знакомим их с деятельностью и других библиотек, музеев и архивов. К некоторым статьям авторы дали резюме на английском языке.

В данном номере журнала мы «предоставили трибуну» специалистам только Санкт-Петербурга: хотелось полнее написать о деятельности организаций именно нашего города – города, пережившего блокаду; города, построенного «на воде» и очень «морского»; города, где сильны «военные» традиции и так много военных библиотек, архивов и музеев; города, где живет романтика путешествий и открытий; города, сотрудники многочисленных театров которого хранят для потомков исторические документы, афиши, фотографии... Надеемся, что наши коллеги из других городов на нас не обидятся. Пусть пишут, и побольше – впереди восьмой номер журнала.

Новое время позволило создать новые музеи. Совсем недавно о Фрейде и его учении знали очень немногие, а теперь есть Музей сновидений Фрейда, и об этом Музее мы поместили короткий ознакомительный материал.

Большинство статей посвящено раскрытию фондов, условиям хранения документов и экспонатов, но, конечно, не осталась в стороне реставрация – сложное интересное дело людей редкой профессии.

В данном номере мы не выделяем в отдельный раздел наши общие проблемы: и «зацикливаются» на них в эти весенние праздничные дни не хочется, и о большинстве проблем уже писали раньше. Прежде всего это плохая оснащенность оборудованием, в частности компьютерами. Выход в Интернет имеет только небольшая часть наших пишущих и потенциальных авторов, поэтому нам трудно получить от них материал, а им – прочесть журнал. Кроме того, далеко не все библиотеки имеют приборы для контроля условий хранения, что очень плохо. Повсеместно наблюдается нехватка кадров, что связано, с одной стороны, сложными условиями труда, с другой – низкой оплатой этого труда. Очень хотелось бы издавать наш журнал не только в Интернете, но и привычным полиграфическим способом, однако спонсора, пока так и не нашли.

Но мы полагаем, что все эти трудности носят временный характер, связанный с переменами, происходящими в стране. Будем надеяться на лучшее. А пока – читайте журнал «На века», пишите нам. Благодарим всех авторов журнала, многие из них присылают нам материал уже не в первый раз.

Поздравляем с шестидесятилетием Победы! Желаем всем прочного Мира! И теплых нарядных дней жителям нашего северного города...

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

МУЗЕЙ-БИБЛИОТЕКА «КНИГИ БЛОКАДНОГО ГОРОДА»: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ОПЫТ РАБОТЫ

*София Геннадьевна Колосова,
заведующая Музеем-библиотекой «Книги блокадного города»
Санкт-Петербургского Государственного Учреждения
«Централизованная библиотечная система Московского района»*

25 января 1996 г. в Санкт-Петербурге приветливо раскрыл свои двери Музей-библиотека «Книги блокадного города». За девять лет сложной, кропотливой и интересной работы тысячи посетителей познакомились с экспозицией, выставками, фондами и коллективом единомышленников – библиотекарей и историков.

История создания оригинального учреждения культуры началась в памятные дни 1992 г., дни, связанные с прорывом блокады Ленинграда (18 января 1943 г.) и полным освобождением от фашистской блокады (27 января 1944 г.).

Ассоциация историков блокады и битвы за Ленинград во время Второй мировой войны организовала Первую международную научно-практическую конференцию, посвященную изучению «белых пятен» в истории борьбы с фашистами на подступах к городу и внутри его. За два дня заслушано две сотни сообщений, среди которых обсуждались неоднократные попытки прорыва блокады в 1941 г., соотношение сил бойцов Красной армии и захватчиков, ужасающий быт горожан, работа госпиталей и заводов, открытия научно-исследовательских институтов и творчество художественных коллективов. К сожалению, не прозвучало ни одного слова о работе библиотек. Справедливости ради скажем, что в предыдущие годы издавались материалы о Российской национальной библиотеке, о Библиотеке Академии наук и других крупнейших книжных центрах, не прекращавших работу в годы Великой Отечественной войны, но деятельность общедоступных библиотек, расположенных в каждом районе города, практически не освещалась. Поэтому я, ответственный секретарь Ассоциации, библиотекарь по профессии, решила заняться историей массовых районных библиотек в годы войны и блокады Ленинграда. Архивные документы, дневниковые записи, воспоминания очевидцев помогли добавить многое ранее неизвестных деталей.

Послевоенным поколениям трудно представить себе, что такое «блокада Ленинграда». Им, к счастью, не пришлось ощутить голод, холод, непрерывные бомбардировки и артобстрелы, видеть трупы на улицах... Ленинградцы выстояли, отстояли и спасли город, куда за все время его существования ни разу не ступала нога иностранного захватчика. Нравственно и духовно население города оказалось выше своих противников. Вряд ли найдется в мировой истории подобный пример массового героизма, самоотверженности, какой проявили жители нашего города.

Самое удивительное, что в блокированном городе издавались книги и продолжали работать массовые библиотеки, работа которых «согревала души ленинградцев». Николай Тихонов в своей книге «Ленинград принимает бой», изданной в Ленинграде в 1943 г. написал, что «ленинградцы и на фронте и в тылу любят книгу, старую и новую, и даже блокадная жизнь не заставила их забыть про эту свою страсть».

Ленинград-Петербург был и остается одним из крупнейших книжных центров страны. Здесь сосредоточены крупные издательства, книжные магазины, богатейшие, всемирно известные книгохранилища. Книга на всех этапах истории города являлась «зеркалом» его жизни, вестником знания и просвещения. В блокированном Ленинграде отношение к книге было особое. Астрономы А. Н. Дейч и Н. Н. Павлов с группой товарищей ночами 13 и 17 октября 1941 г. буквально под носом у врага вывозили самые ценные книги Пулковской обсерватории, включая изданные до 1500 г. В Эрмитаже

19 октября и 10 декабря того же года отмечали юбилеи 800-летия азербайджанского поэта и мыслителя Гянджеви Низами и 500-летие узбекского поэта и государственного деятеля Алишера Навои. Ленинград умирал от голода и холода, а здесь читали стихи в новых переводах. Больше нигде в стране – ни в Баку, ни в Ташкенте, ни в Москве – эти годовщины тогда не отмечались. Голодная смерть косила ленинградцев, уносила тысячи жизней, а люди шли в библиотеку. Им нужна была книга. Она «стала серьезным духовным подспорьем для жителей, обреченных, как рассчитывали гитлеровцы, на уничтожение, а для многих ленинградцев просто средством спасения». Так писал известный библиофил Юрий Васильевич Маретин в сборнике «Стояли со взрослыми рядом...».

До войны в Ленинграде и пригородах (Пушкин, Стрельна, Кронштадт, Колпино, Павловск, Петергоф) работали 2011 библиотек с книжным фондом 49 470 000 экземпляров. Библиотеки города славились не только своими замечательными фондами, но и хорошим обслуживанием читателей. Работали 52 массовые районные библиотеки, книжный фонд которых составил 1 397 000 единиц. Каждая из них обслуживала в среднем 6 000 читателей.

С первых дней войны нормальная жизнь библиотек нарушилась. В августе 1941 г. в городе осталась 31 библиотека, а 18 стали филиалами. Ликвидирована библиотека им. Володарского (Кировский район). Бомбы, снаряды и пожары полностью разрушили библиотеки им. К. Е. Ворошилова и М. И. Калинина. Там погибло 371 000 книг. 9 снарядов попали в библиотеку Октябрьского района и 13 в здание библиотеки им. 10-летия Октябрьской революции в Московском районе, расположенной недалеко от линии фронта. Бомбёжки и артобстрелы уничтожили помещение библиотеки им. В. Г. Белинского на Кондратьевском проспекте: окон не осталось, были вырваны рамы и температура достигала 18 градусов мороза. Сильно пострадали и другие библиотеки.

Катастрофическое состояние зданий не означало, что библиотечное обслуживание прекратилось. Практика работы осталась прежняя, изменились лишь условия. Абонемент и читальный зал предлагали различные издания, проводились массовые мероприятия, посвященные знаменательным датам, годовщинам замечательных событий и творческой деятельности. Не осталась в стороне забота о сохранности и пополнении книжного фонда. Например, в докладной записке инспектора Крюгер (ЦГА литературы и искусства, ф. 5039, оп. 4, д. 19, л. 5) о состоянии библиотечной работы в Василеостровском районе на 17 июня 1942 г. сообщалось, что «Библиотека им. Л. Н. Толстого ни на один день не прекращала работу, имеется 23 передвижки, проведено 45 массовых мероприятий, организованы выставки «Знай свою винтовку», «Воздушная оборона». Книжные фонды пополняются. Утечка книг сравнительно небольшая. Библиотека внимательно следит за задержанными книгами. Основную работу библиотека ведет в госпиталях и военных объектах». Пример работы этой библиотеки далеко не единственный. Практически все 22 районные библиотеки, обслуживавшие читателей в блокаду и ни на один день не закрывавшиеся, вели громадную работу. Наряду с традиционными формами работы с читателями появились новые. Если до войны читатель приходил в библиотеку, то с первых дней июля 1941 г. библиотека пришла к читателю. На оборонительных рубежах во время краткого перерыва, в госпиталях, в красных уголках домохозяйств, на вокзалах организовывалось громкое чтение газет и книг. В казармах приглашали к чтению передвижки. Сообщения о положении на фронте, брошюры в помощь молодому бойцу, в помощь партизану, художественная и общественно-политическая литература были чрезвычайно важны и неизменно пользовались спросом.

С самого начала войны библиотекари работали в госпиталях. Выступали с литературными обзорами и обзорами политических событий, многие часы проводили у постелей раненых. Работники библиотеки им. 10-летия Октябрьской революции, как пишет в отчете заведующая М. Д. Турыгина, помогали «в комплектовании книжного фонда и в руководстве чтением малоопытному библиотекарю госпиталя. В выходной день

работника госпитальной библиотеки обслуживал раненых работник нашей библиотеки». 6 000 раненых-больных инфекционного госпиталя, благодаря сотрудникам библиотеки им. В. Г. Белинского читали литературу.

Библиотеки им. Л. Н. Толстого Василеостровского района, им. А. С. Пушкина Петроградского района, им. И. И. Скворцова-Степанова Ленинского района и другие также организовывали массовые мероприятия в госпиталях: устраивали передвижки, проводили беседы, читательские конференции. Помимо массовой работы некоторые библиотеки оказывали шефскую помощь. Например, в библиотеке им. Л. Н. Толстого для батальона выздоравливающих раненых, которых не могли взять на фронт, организовали курсы строительного дела, так как в городе постоянно осуществлялись разного рода ремонтно-восстановительные работы. Подбирали литературу и по другим профессиям. Некоторые библиотеки организовали учебные курсы самообразования раненых.

Война внесла корректизы во внутреннюю работу библиотек. Сохранившиеся документы рассказывают о многогранной, совсем не библиотечной жизни библиотекарей блокированного города. Известно, что сотрудники библиотеки им. А. С. Пушкина и многих других ремонтировали белье раненых бойцов. Только «пушкинцы» починили более 600 комплектов. По инициативе Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне Российская национальная библиотека) помогали фронтовикам в розыске их родственников. Такую же работу выполняли библиотекари в стационарах, организованных для спасения наиболее обессилевших горожан.

В библиотеке им. Н. А. Некрасова Центрального района сохранился удивительный документ. Это «Тетрадь дежурств Городской библиотеки им. Некрасова». Первая запись сделана 6 сентября 1941 г.: «На дежурство вступила в 19 ч., помещение осмотрено. В 23 ч. 25 мин. разрыв большой фугасной бомбы вблизи библиотеки. Сафонова [подпись библиотекаря – С. К.].» Далее, в тетради отчет директора библиотеки о принятых мерах: «В связи с разрывом, совместно с группой самозащиты д. № 109 (пр. 25 Октября – ныне Невский пр. – С. К.), осмотрены чердаки. Очагов пожара нет, не замечены и в соседних домах. 23 ч. 50 мин. Директор К. Е. Виноградов». Затем, следуют ежедневные записи библиотекарей-дежурных о военных тревогах, бомбежках и повреждениях. Записи в тетради дежурств велись аккуратно и четко. 5 декабря в тетради дежурств, в списке принятых вещей появились 4 фонаря с керосином, а несколькими днями позже – самодельные лампы. Свечи были роскошью. Зачастую библиотекари становились членами бытовых отрядов: обход квартир включал осмотр помещения, сбор библиотечных книг, вовремя не возвращенных, помочь ослабевшим людям, отправление детей в детские приемники-распределители, если умерли родители. Работники библиотеки имели список жильцов верхних этажей дома, которым было разрешено «пребывание в библиотеке с 19.00 до 9.00 ч утра, при обязательном предъявлении паспорта. При воздушной тревоге все находящиеся в помещении люди, за исключением инвалидов, обязаны были оказать содействие дежурному в местах противовоздушной и химической обороны». Восемь библиотекарей жили далеко от библиотеки и из-за бомбежек или слабости оставались на ночь. Условия их жизни в библиотеке ничем не отличались от «комфортных» условий жизни жильцов дома: отсутствовали свет, вода, тепло. По приказу директора от 10 ноября 1941 г. часы дежурств продлены с 17.00 одного дня до 17.00 другого; установлено новое расписание дежурств, и в каждое дежурство назначено по 2 человека. Особое внимание в приказе уделено ведению тетради дежурств и материалов, прилагаемых к тетради (список лиц, имеющих право на вход в библиотеку, правила поведения в библиотеке, запись о том, что сдано и принято). Ни в коем случае нельзя было отлучаться с дежурства. Это считалось серьезнейшим нарушением дисциплины. Обстановка в городе требовала строгого распорядка, учета и контроля.

Библиотеки оставались открытыми для читателей, но осень 1941 г. показала, как резко сократилась посещаемость. Это и понятно, ведь горожане уходили в действующую

армию и народное ополчение, уезжали на строительство оборонительных рубежей, эвакуировались, погибали. И все-таки читали!

Крупнейший знаток блокадной книги Ю. В. Маретин рассказывал, что «интерес вызывали те книги, которые как-то могли объяснить трагизм положения, отвлечь от сосредоточенности на наших неудачах, те, которые рассказывали о нашей жестокой борьбе и наших успехах в этой борьбе, и, конечно, те, которые были увлекательны и легко читались. Читая о подвигах бесстрашных бойцов или воинах крылатой Балтики, о наших сверстниках, вступивших в сражение с фашистскими полчищами, о героях Александра Дюма, Вальтера Скотта, Майн Рида, мы, подростки, получали дополнительный заряд оптимизма, надежды, уверенности». И далее: «Книги тогда жили удивительной жизнью: интересные обходили класс и нередко забредали в соседние классы... Бедные наши парты, они изрезаны именами героев книг, увлекавших нас. Можно было прочитать лекцию по мировой литературе, пользуясь этими записями как именными указателями. Обилие прочитанного и широкий круг чтения – характерные и яркие черты нашего книжного существования. Но еще более поразительной чертой была общественная отдача книги. Утверждаю смело, что ни в какие иные времена в жизни нашего поколения, да и других поколений тоже, книга, брошюра, журнал, плакат, листовка, газета не использовались столь интенсивно. И книга щедро оплатила нам любовь к ней, помогая не только выжить, но и стать людьми».

Жизнь города первой весны стала своеобразным итогом тяжелейшего периода. Библиотечные работники, как все мирные жители, испытали на себе ужасы голода и холода. Постепенное снижение норм хлеба с сентября по декабрь 1941 г. (в декабре всего 125 грамм, зачастую не отоваренные карточки по крупам, мясу, жирам), невозможность пользования водопроводом, отсутствие электричества, а вместе с ним и тепла – все это стало причиной заболевания дистрофией. Прибавьте к этому постоянный стресс от бомбардировок и обстрелов, смерть родных и близких в сражениях и от голода и еще холодная ранняя зима 1941 г., когда в ноябре уже лежал снег, а температура в среднем опускалась ниже 20 градусов при высокой влажности воздуха, нанесшая непоправимый урон здоровью людей. Каждый день становился последним для десятков сотен ленинградцев, детей и взрослых, мужчин и женщин.

И между тем Ленинград изо всех сил старался не сдаваться. Кроме не эвакуированных заводов, фабрик, научно-исследовательских институтов и других предприятий и учреждений, в городе-фронтे работало 20 кинотеатров, которые приглашали на просмотр документальных и художественных фильмов, на театральных подиумах разыгрывались сцены из классического и современного репертуара, звучала музыка в Филармонии и на концертных площадках. Ежедневно страницы центральных и городских газет оповещали о событиях на фронтах, внутри города и культурной жизни. Немало страниц было отведено и библиотекам.

Весной библиотекари вместе с другими горожанами в соответствии с постановлением от 25 марта 1942 г. были «мобилизованы в порядке трудовой повинности на работу по очистке дворов, улиц, площадей и набережных Ленинграда, что не исключало выполнения должностных обязанностей». 17 апреля Ленгорсовет отметил огромную работу трудящихся, среди которых были библиотечные работники, очистивших 12 000 дворов, убравших лед, трупы и мусор с 3 млн. кв. м. улиц и площадей.

Большое значение в ликвидации последствий голодной, холодной и страшной зимы 1941/42 гг. имела организация овощеводства. Выполняя постановление «О развитии индивидуального огородничества», на 633 подсобных хозяйствах и в 1468 объединениях индивидуального огородничества, организованных на бульварах, газонах, скверах, в парках и садах внутри города, библиотекари проводили беседы, организовывали выставки книг по сельскому хозяйству в помощь горожанам. Одновременно пропагандировали литературу об использовании съедобных дикорастущих растений как дополнительного ресурса питания.

Смерть уносила тысячи жизней, а люди шли в библиотеку. О силе книги писали А. С. Пушкин, А. И. Герцен, М. Горький... В истощенном, разрушенном городе книга согревала души ленинградцев, спасала от страха смерти. Н. К. Чуковский писал: «В осажденном Ленинграде удивительно много читали, читали классиков и поэтов, читали в землянках и дотах, читали на батареях и на вмерзших в лед кораблях: охапками брали книги у умирающих библиотекарей и в бесчисленных промерзших квартирах, лежа при свете коптилок, читали, читали...». Так увидел писатель, но о чем рассказывают архивы?

Состояние здоровья библиотекарей не отличалось от здоровья горожан. Документы Центрального Государственного архива Санкт-Петербурга рисуют печальную картину: «...работники очень слабы. Часть библиотек не открыты, так как работники имеют освобождение от трудовинности. Пополнение новыми кадрами не происходит. Хотели привлечь учителей законсервированных школ, но они предпочли работать управдомами».

В начале войны в Выборгском районе работало 4 библиотеки, но на протяжении всего блокадного времени – только библиотека им. Серафимовича на Старопарголовском шоссе, д. 6.

К 10 июня 1942 г. из сотрудников четырех библиотек района остался один специалист – заведующая библиотекой Куничева и учитель иностранного языка Жаченко.

В Ленинском районе работали 2 библиотеки: им. К. А. Тимирязева и им. И. И. Скворцова-Степанова. Пережив страшную зиму 1941/42 гг., в каждой библиотеке остались по 2 сотрудника. Несмотря на трудности, библиотека им. К. А. Тимирязева работала для читателей с 14.00 до 19.00, а им. И. И. Скворцова-Степанова – с 13.00 до 18.00. Библиотека им. К. А. Тимирязева пострадала от воздушных налетов. Были выбиты стекла и рамы, с потолка текла вода, но библиотекари все равно выполняли свои обязанности – обходили читателей и собирали задержанные книги, кроме того, когда зимой в помещении библиотеки лопнули фановые трубы, сами работники приводили помещение в порядок.

Не лучше была картина и в других районах Ленинграда.

В Московском районе из 4 работали только 2 библиотеки: им. А. М. Горького на Лиговском пр., 192 и им. 10-летия Октября – на Международном проспекте (ныне Московском пр.), 120/14, рядом с передовой, около Пулково. Инспектор по библиотечной работе в сводке сообщает, что «зав. библиотекой Туртыгина – издергана и истощена. Библиотекарю Заборовской около 60-ти лет. Она еле бродит. Дмитриева – подкармливается травой». И между тем Мария Дмитриевна Туртыгина вместе с сотрудниками, несмотря на слабое здоровье, жили работой, для читателей. Чувствуя отношение к себе, читатели шли в эту библиотеку. «Читатель Фадеев, в прошлом педагог, сейчас боец Красной Армии, пришел в библиотеку в 1942 г. и с помощью библиотеки провел ряд бесед с бойцами своего подразделения о важнейших вопросах нашей жизни», – пишет в отчете М. Д. Туртыгина. Читатель М. Л. Морозова, боец МПВО, пополнила свои знания в области художественной литературы (Л. Н. Толстой, В. Василевская, В. Гроссман). В книге отзывов библиотеки им. 10-летия Октябрьской революции есть такая запись читательницы: «Я пришла в библиотеку в самое тяжелое время зимой 1941 года. Мне нужна была книга, она помогала мне легче переносить тяжесть блокады, и получила я то, что мне было нужно. Библиотекари были на месте, библиотека работала». В 1944 г. библиотека им. 10-летия Октябрьской революции по итогам работы была удостоена переходящего Всесоюзного Красного знамени.

Множество интереснейших фактов, опыт работы, профессиональные задачи и кадровые проблемы, созвучные современному дню, сохранила история.

8 сентября 1942 г. в Ленинграде состоялось общегородское совещание библиотекарей. Основными вопросами обсуждения стали кадры и состояние помещений, в которых мало места, холодно, темно, и как сказала библиотекарь Петроградского района Куратова, «от читателей отбоя нет, больше, чем при нормальных условиях». Подводя

итог, председатель сказала, что вопросы отопления и освещения важны, но нужно обратить внимание на приказ наркома от 11 июня, что не только словесники, но и все преподаватели должны включиться в продвижение книги. И далее: «Я очень довольна и сегодня с удовлетворением отмечаю, что наши районные библиотеки как были энтузиастами, так и остались. Вы должны стать помощниками школы. Надо оказать помощь школам, чтобы учащиеся старших классов были выпущены. Это должны понять все работники народного образования. Нам нужно, чтобы наши учащиеся закончили школу с полноценными знаниями. Это дело не меньшей значимости, чем помочь фронту».

Протоколы общегородских совещаний и собраний библиотекарей начиная с 19 декабря 1941 г., приказы о подготовке к зиме массовых и школьных библиотек от 2 октября 1943 г., ежегодные отчеты Ленгорено (массовые районные библиотеки находились в системе народного образования) и другие материалы, содержащие довольно поучительные и значимые факты, практически не известны профессиональной и широкой аудитории. Совсем не хочется быть «Иванами, не помнящими родства».

Изучение материалов, выступления на конференциях, интерес, который проявляли коллеги-библиотекари и историки, заставили задуматься о создании учреждения, раскрывающего содержание работы библиотеки в блокадную пору как пример духовного героизма и стойкости. Длительные обсуждения и жаркие споры президента Ассоциации историков блокады и битвы за Ленинград в годы Второй мировой войны Ю. И. Колосова с ответственным секретарем и другими членами организации, привели, наконец, к решению организовать музей-библиотеку. Музей-библиотека виделся как оригинальное учреждение культуры, в котором можно посетителю, как в музее, осмотреть экспозицию, услышать рассказ экскурсовода, а как пользователю библиотеки – взять в руки, полистать, почитать любое издание, увидевшее свет в период блокады. Кстати, в блокадном городе было издано более 20 000 наименований печатных изданий, общим тиражом около 23 млн. экземпляров.

Следующим этапом рождения проекта стал поиск помещения. Эту стадию проект, благодаря поддержке руководителя Централизованной библиотечной системы Т. И. Новиковой и главы администрации Московского района К. В. Кондакова, прошел без особых осложнений. В 1994 г. в помещении библиотеки-филиала № 5 ЦБС Московского района начался сбор всевозможных документов и материалов из личных архивов жителей блокадного Ленинграда, связанных с библиотечной деятельностью.

Нет смысла перечислять все этапы и преграды, которые пришлось преодолеть, но считаю необходимым поблагодарить творческую мастерскую А. А. Ковалева, за дизайнские решения в создании экспозиции.

Еще об одной главе в истории создания музея-библиотеки необходимо сказать особо. О дарителях. Дело в том, что было решено собрать экспонаты, не купленные, а именно подаренные, не «новодел», а пережившие блокаду. Хотелось узнать историю каждого экспоната, почему он столько лет хранился в доме, что с ним связано, какое событие явилось причиной его появления и хранения. Таким образом, через тот или иной предмет показать разнообразие жизни, чтобы стало ясно, какими душевными и физическими силами должны были обладать люди, сохранившие для нас великий город Петра. Низкий поклон всем тем людям, которые хранили живую память о грозных, трагических и героических днях в книгах, газетах, открытках, письмах. Десятки лет находились они в семьях как самая дорогая реликвия, и только когда начался сбор документов, принесли их нам в будущий музей.

Уважаемые и любимые наши дарители, без которых немыслимо собрание книжной коллекции. Кто они? Это жители Ленинграда-Санкт-Петербурга, коллекционеры, главное дело жизни которых – сбор и изучение печатных и рукописных изданий; любители книги, покупавшие литературу на книжных развалих Невского проспекта, так как искренне считали книгу необходимой, как хлеб; школьники и участники городских олимпиад,

награжденные книгой с дарственной надписью о достижениях в годы блокады и многие-многие блокадники, ветераны Великой Отечественной войны, живущие ныне на разных континентах.

Первые книги, положенные в основание коллекции подарил Ю. И. Колосов, блокадный мальчишка, сейчас действительный член Академии военно-исторических наук и Международной Академии акмеологических наук. Участниками создания коллекции печатных изданий стали: В. Я. Бялый, ветеран Великой Отечественной войны, известный библиофил, передавший часть своей коллекции; В. В. Инчик, блокадник, коллекционер, создатель частного музея-квартиры «Блокадная комната артистки Веры Ивановны Шестаковой»; А. П. Чирков, капитан 2-го ранга, организатор школьного музея; Н. В. Сигал, блокадная школьница, о которой писала газета «Смена» в 1943 г.; Л. П. Ягданова, руководитель районного отделения общества «Юные участники обороны Ленинграда», создатель выставки «Мы помним...» и многие-многие другие.

Собрав первые три сотни экспонатов, Ассоциация историков блокады и битвы за Ленинград и Централизованная библиотечная система Московского района решили открыть экспозицию.

На церемонии открытия присутствовал почетный гражданин Санкт-Петербурга, народный художник СССР, скульптор Михаил Константинович Аникушин, представители депутатского корпуса, Комитета по культуре Санкт-Петербурга и администрации района, руководители общественных ветеранских и блокадных организаций. По мнению участников, это знаковое событие проходило с живейшим, искренним интересом, нашло отклик в сердцах петербуржцев и в средствах массовой информации. Достаточно сказать, что в 1997 г., спустя год, журналисты BBC (Великобритания) сделали в рамках радиопрограммы передачу о Музее-библиотеке «Книги блокадного города» (такой статус получила бывшая библиотека-филиал № 5).

Оригинальная структура Музея-библиотеки включает абонемент, читальный зал и собственно музей, что позволяет продолжить сбор литературы и личных документов, изучение архивных материалов, проведение разнообразных массовых мероприятий и экскурсий, участие в создании документальных фильмов.

В настоящее время в фондах Музея-библиотеки «Книги блокадного города» хранятся книги, журналы, газеты, открытки, брошиоры, листовки, изданные в Ленинграде в годы блокады, предметы библиотечного быта, елочные украшения и игрушки, патефон и пластинки – всего не перечесть. Главное место занимает воссозданный интерьер блокадной библиотеки.

Каждая экскурсия, независимо от возраста посетителя, начинается с путешествия по экспонатам интерьера, где на рабочем столе библиотекаря стоит чернильница-непроливайка с деревянной ручкой-вставочкой, на книжный шкаф взгромоздилась черная тарелка радио, а на стене висит сводка Совинформбюро с календарным планом работы Ленинградского лектория. Для людей старшего поколения любой предмет интерьера вызывает милые сердцу воспоминания из детства, для молодежи – знакомство с прошлым.

Перечень книг, представленных в экспозиции, необычайно широк, несмотря на то что издания увидели свет в годы блокады в Ленинграде: произведения классиков отечественной литературы (как, например, «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя), Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени 1941-1942 гг., сборник стихотворений «Ленинграду» В. Б. Азарова, «Краткий терапевтический справочник детского врача» А. Ф. Тура, сборник карикатур «Балтийская полундра», материалы и документы из оккупированных районов и городов Ленинградской области «Чудовищные злодеяния немецко-фашистских палачей» М. Н. Никитина и П. И. Вагина, брошюра Ленинградского треста столовых и ресторанов «Использование ботвы и заготовка ее в прок» с рецептурой блюд и т. д.

Тематика изданий, позволяет проводить экскурсии в музее и массовые мероприятия в библиотеке, посвященные значительным событиям в мировой истории и

творчеству знаменитых людей разных эпох. Музей и отделы библиотеки работают в одном направлении.

22 декабря 1997 г. исполнилось 55 лет со дня учреждения медали «За оборону Ленинграда». Для жителей нашего города и его защитников эта медаль особой важности, потому что ею награждали бойцов за подвиги в сражениях на подступах к городу, а мирных ленинградцев за значительный трудовой вклад в приближение Победы и сохранение жизни города. В праздновании кроме читателей – учащихся, ветеранов, блокадников в Музее-библиотеке – участвовали В. С. Григорьев, автор единственной книги по истории создания награды «Медаль «За оборону Ленинграда», В. А. Лукин и К. Д. Легоньков, отливщики первой партии медалей, под которую специально расконсервировали Монетный двор, хор ветеранов МПВО. Начали торжество с краткой исторической справки о наградах, которые получил город, затем выступал автор книги и отливщики. После этого посыпались вопросы, а кто-то вспомнил, как вручали медаль. Ветераны МПВО не только пели, но и вспоминали боевые дни. Гости познакомились с посвященной этой дате книжно-иллюстративной выставкой и выставкой документов, подготовленных библиотекарями. Торжество затянулось допоздна, расходиться не хотелось.

В истории России появились новые праздники и мы, как в былые времена, откликаемся на них. 1 октября – День пожилого человека. Жители Петербурга,уважаемые люди золотого возраста из года в год приходят к нам в Музей-библиотеку в этот день. Конечно, можно отмечать его литературно-музыкальной композицией, выставкой книг, обзором литературы по волнующим проблемам, концертом, наконец. Поделюсь нашим опытом. Дело в том, что 1 октября – Всемирный день музыки. Поэтому мы решили объединить два этих торжества. Для пожилых людей, особенно блокадников, музыка связана с работой радио. Радио в блокадном городе являлось своеобразным пульсом жизни. Когда звучал ровный стук метронома, а диктор передавал сводки с фронта – ленинградцы знали, что город жив. В любой жилой комнате и на производстве были установлены репродукторы. В перерывах между обстрелами слушали радиопостановки, классическую музыку, песни. Многим запомнилась 7-я (Ленинградская) симфония Д. Д. Шостаковича, исполнявшаяся 9 августа 1942 г. в Большом зале Ленинградской Филармонии и транслировавшаяся по городскому радио. Дирижировал оркестром К. И. Элиасберг. Иным больше запомнилось исполнение Первого концерта П. И. Чайковского. Большая подготовительная работа к проведению нами этого мероприятия, названного «Пульс», дала свои результаты. Организована выставочная экспозиция, иллюстрирующая работу радиокомитета, в ней также были представлены фотографии дикторов и руководителей, дикторские карточки, программка 7-й симфонии с перечнем фамилий оркестрантов и, соответственно, музыкальных инструментов, включая библиотекаря оркестра, фотография Литвинова – летчика, доставившего партитуру в Ленинград из Москвы, фотографии артиллеристов боевой предупредительной операции «Шквал», позволившей исполнить симфонию без перерыва. Всего 77 документов.

Встречали гостей в читальном зале, где установили черную тарелку радио, завели патефон и поставили пластинки. С волнением слушали песни в исполнении Л. Кострицы и В. Козина и тихо подпевали. Совсем не смущало незнание всех слов, а кто-то из присутствующих вообще впервые слышал эти песни. После этого провели экскурсию по выставке. А затем воспоминания, воспоминания... До сих пор читатели просят повторить мероприятие, но такое не повторишь.

Музей-библиотека «Книги блокадного города» работает не только с людьми перешагнувшими шестой десяток лет, но и с молодежью. У нас нет ограничения по возрасту и готовясь к мероприятиям любого формата, будь то конференция, круглый стол, презентация книги, праздник по случаю знаменательной даты мы рады видеть как тинэйджера, так и пенсионера.

Так, в последние годы Музей-библиотека принимает участие в Празднике Чтения, родившемся во Франции. Казалось бы, что общего между книгами, изданными в блокадном Ленинграде и французским праздником? Постараюсь ответить. В 1943 г. в нашем городе издан сборник Ги де Мопассана «Новеллы о франко-пруссской войне», а в 1944 г. сборник Проспера Мериме «Матео Фальконе». Эти издания, позволили прикоснуться к творчеству французских писателей. Праздник Чтения, состоявшийся в октябре 2003 г., был посвящен изданию этих сборников и историческим событиям, послужившим поводом для написания новел и рассказов.

Открывался праздник сценкой из библиотечной жизни в блокаду. Коллектив Музея-библиотеки создал сценарий, по которому под сигналы воздушной тревоги в библиотеку приходит читательница. Она привыкла к бомбежкам и не хочет идти в бомбоубежище. Женщина в потертом пиджаке, перетянутом крест-накрест большим темным платком, синяя юбка ниже колен, на голове берет, на ногах рейтзузы с вязаными носками и боты. В библиотеке темно, горит самодельный керосиновый фитилек на столе у библиотекаря. Она заполняет книжный формуляр и сердится на чернильницу с замерзшими чернилами. Холодно. Библиотекарь одета в фуфайку, душегрейку, а сверху еще ватник, голова покрыта однотонным шерстяным платком, на ногах валенки с заплатами. Читательница пришла поменять книги. Библиотекарь ей предлагает «Пышку» Мопассана или «Кармен» Мериме и рассказывает о других произведениях этих писателей. Затем раздается звук горна, возвещающий об окончании налета. Читательница уходит.

Мини-спектакль разыгрывался в помещении музея, в интерьере блокадной библиотеки. Воздушная тревога, одежда «актеров» произвели сильнейшее впечатление на присутствующих. Когда зажегся свет, послышались аплодисменты, как в театре. Потом школьники читали отрывки из произведений сборников на французском языке. На этом мероприятии присутствовали блокадники, члены общественной организации «Юные участники обороны Ленинграда». Им так понравился праздник, что по их просьбе мы его повторяли для взрослых еще несколько раз, правда, без участия старшеклассников и чтения на французском языке. На следующий год Музей-библиотека вместе с учащимися общеобразовательной школы и школы с углубленным изучением французского языка отмечали 200-летний юбилей со дня рождения П. Мериме, писателя, общественного и государственного деятеля, открывшего для французов творчество А. С. Пушкина. В последние годы к творчеству П. Мериме читатели обращаются крайне редко. Мы решили с помощью Праздника Чтения привлечь к нему внимание. Надо сказать, нам это удалось. После этого праздника, начавшегося с музыки Э. Л. Веббера к мюзиклу «Notre Dame de Paris» по роману В. Гюго, несколько подростков постоянно, том за томом читают собрание сочинений П. Мериме. Правомерен вопрос, почему мы взяли эту музыку? Во-первых, она знакома практически всем по записи на радио и на компакт-дисках. Во-вторых, по утверждению психологов, привлечь к новому проще, когда есть что-то известное. В-третьих, Мериме и Гюго соотечественники и современники, уважающие творчество друг друга.

В ушедшем году Санкт-Петербург торжественно отмечал 60-летие полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады. Ленинградский день Победы, 27 января 1944 г., сыграл значительную роль в истории Великой Отечественной войны и приблизил Победу во Второй мировой войне. Музей-библиотека участвовала в торжестве конференцией «Люди блокадной поры». Конференция включала выставку «Ленинградский день Победы», презентацию трех книг, встречу в формате круглого стола. На выставке были представлены уникальные карты расположения войск и сражений за время наступательной Ленинградско-Новгородской операции, начавшейся 14 января и завершившейся 1 марта 1944 г.; городские и заводские газеты за 28 января 1944 г.; номер журнала «Ленинград», целиком посвященный полному освобождению; плакаты и хроника важнейших событий внутри города за период операции. В подготовке материала к выставке активное участие принимала Ассоциация историков блокады и

битвы за Ленинград. С помощью общественного музея Мясокомбината им. С. М. Кирова (ныне ОАО «Самсон «К») мы узнали, что мясокомбинатом 60 лет назад был разработан состав гороховой колбасы для поддержания здоровья больных в стационарах. Обратились к генеральному директору с просьбой изготовить к нашей конференции колбасу по такому же рецепту. 2 кг колбасы, внешне похожей на ливерную, но состоящую из гороха, специй, соли, лука и 10 % мясной жилки были торжественно внесены и опробованы всеми участниками конференции. Надо сказать, что перед тем, как принесли колбасу, ведущий невзначай заговорил о шротах (остаток от дробленой сои), дуранде (прессованный корм для скота), рыбьем жире и других «блюдах» блокадной поры. Наперебой блокадники рассказывали, как это было вкусно, и им тогда казалось, что в мирное время они будут есть только шроты или дуранду, пить казеиновое молоко. Трудно выразить словами чувства, которые переполняли блокадников после съеденного кусочка гороховой колбасы. На этом действе присутствовала молодежь – участники городских историко-краеведческих чтений. Они тоже попробовали: не понравилось. После короткого перерыва началась презентация книг: Т. В. Сталевой «Дети блокадной поры», В. Н. Селиванова «Стояли как солдаты. Блокада. Дети. Ленинград» и 3-й том каталога книг, изданных в Ленинграде в годы Великой Отечественной войны «Книги непобежденного Ленинграда. 1944 г.», иллюстрированного изданиями из фонда Музея-библиотеки «Книги блокадного города». Завершилась конференция обсуждением за круглым столом новых исторических исследований.

Третий год подряд Музей-библиотека, совместно с Ассоциацией историков и Домом детского творчества Калининского района проводит конференцию «Юное поколение XXI века: история Ленинграда в истории Санкт-Петербурга».

«ВОКРУГ СВЕТА С КРУЗЕНШТЕРНОМ»

*Ольга Михайловна Федорова,
главный библиотекарь отдела комплектования
Центральной военно-морской библиотеки*

...А вашему другу дано испытать весь свет и всё во
оном. Зачем? - спросите. Затем, мои милые, чтобы лутчи цену
дать моему отечеству.

Лейтенант «Надежды» Макар Ратманов. 1803 г.

В 1803 г., в канун 100-летней годовщины Санкт-Петербурга, созданного по воле Петра Великого как «окно в Европу», первая российская кругосветная экспедиция на кораблях «Надежда» и «Нева» под руководством капитан-лейтенантов И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского вывела российский флот на океанские просторы, представив миру Россию как полноправную морскую державу.

В 2003 г. в Петербурге не особенно широко, но все же торжественно, отметили 200-летний юбилей этого кругосветного плавания. Сама идея кругосветки через 284 года после Ф. Магеллана и его многочисленных последователей из разных стран – Ф. Дрейка, О. ван Норта, У. Дампира, Дж. Ансона, Л. А. Бугенвилля, Дж. Кука, Дж. Ванкувера – не являлась оригинальной, но для России начала XIX в. это событие можно было приравнять к первому полету человека в космос.

Крузенштерн видел цель кругосветных экспедиций, прежде всего в развитии внешней торговли страны, в подготовке моряков на неоценимом опыте дальних плаваний, в поддержке Камчатки и поселений в Русской Америке, а также в исследованиях океана и картографировании неизвестных берегов.

Первое российское кругосветное плавание «обогатило науку открытиями и исследованиями, далеко раздвинувшими пределы естествознания и географии», - считал К. Бэр.

Выполненные исследования динамики течений Мирового океана, приливно-отливных явлений, удельного веса, солености и температуры морской воды, направления и силы ветров, свечения моря, явились новым словом в науке, послужили началом широкого изучения океана и заложили основы океанологии – новой комплексной науки.

Участники экспедиции во многом обогнали свою эпоху, их выводы и сегодня имеют необычайную ценность для гидрометеорологии, изучения эволюции климата и изменения течений за 200 лет, истекшие со времени первого русского кругосветного плавания.

Большую часть пути Крузенштерн и Лисянский шли в стороне от уже изведенных маршрутов и всюду стремились не только точнейшим образом определить положение корабля, но и откорректировать имевшиеся у них карты.

Крузенштерн первым подробно исследовал и картографировал Сахалин, острова Хоккайдо и Цусима, западное побережье Японии, южный берег Наку-Хивы (Маркизские острова), открыл несколько проливов между Курильскими островами, острова Каменные ловушки. Фактически, плавание «Надежды» и «Невы» закрыло последние «белые пятна» в северной части Тихого океана, дав описание берегам Японии, Сахалина, северо-запада Северной Америки. (Ошибка Крузенштерна считается определение Сахалина как полуострова, однако на его картах он изображен островом, соединенным с материком песчаной косой.) Эти работы велись в совершенно неисследованных районах, тем более важное значение имеют даже и маршрутные промеры, сделанные нашими моряками, и нужно воздать дань мужеству и отваге капитанов, которые вели корабли, не имея сколько-нибудь верных карт, полагаясь на несовершенные приборы и интуицию.

Заслуги Крузенштерна сразу же высоко оценила мировая научная общественность. Один только факт: в 1820 г., то есть при жизни Крузенштерна в Лондоне вышла книга, содержащая обзор главных кругосветных плаваний всех времен и народов. Она называлась: «От Магеллана до Крузенштерна».

Первая русская кругосветная экспедиция имела также важное значение для усиления позиций России в северной части Тихого океана, для развития русских поселений в Америке и привлекла внимание не только к Камчатке, Сахалину, но и к полярным районам, лежащим к северу от Берингова пролива.

С экспедиции И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского начинается блестящая эпоха русских океанских торговых и научных плаваний, с которыми в первой половине XIX в. не могли сравниться ни Англия, ни Франция. Вслед за Крузенштерном и Лисянским на океанские просторы устремились В. М. Головнин, О. Е. Коцебу, Л. А. Гагемейстер, М. Н. Васильев, Г. С. Шишмарев, Ф. П. Литке, Ф. П. Врангель и многие другие. И всего лишь через 12 лет после возвращения Крузенштерна русские мореплаватели Ф. Ф. Беллинсгаузен и М. П. Лазарев повели свои корабли к южному полюсу, чтобы открыть последний континент Земли – Антарктиду. Россия, таким образом, блистательно завершила эпоху Великих географических открытий.

Участники экспедиции собрали множество биологических коллекций и гербарии на островах Полинезии и Японии, Хоккайдо, Сахалине. Натуралисты Лангдорф и Тилезиус препарировали морских животных, делали чучела птиц и рыб, ловили бабочек.

Неизвестная экспедиция

Казалось бы, в городе, где Крузенштерну стоит памятник, откуда стартовала экспедиция, о самом плавании должно быть известно все, однако это не так. Хотя участниками первой российской кругосветки первой четверти XIX в. опубликован ряд трудов и описаний своего путешествия, многие из этих публикаций давно стали библиографической редкостью, а некоторые работы до сих пор не опубликованы и хранятся в архивах.

Самым известным из опубликованного явилось «Путешествие вокруг света» Крузенштерна. Его издали сразу на русском и немецком языках и затем перевели на английский, французский, итальянский, голландский, шведский и датский языки. В издании Крузенштерна помещены также небольшие отчеты и статьи астронома И. К. Горнера, доктора медицины К. Ф. Эспенберга, натуралиста В. Т. Тилезиуса. В Германии оно переиздано несколько раз.

Описание плавания Ю. Ф. Лисянского «Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803-1806 годах» вышло в 1812 г., а через два года переиздано в Лондоне. К обоим описаниям приложены большеформатные атласы. В 1950 г. описание плавания Крузенштерна переиздано с большими сокращениями (вместо 3 томов – 1 том), а книга Лисянского в 1947 г. сокращена и полностью переписана «современным литературным языком» редактора Н. В. Думитрашко.

Двухтомное издание путешествия Лангдорфа опубликовано на немецком и английском языках, но на русский язык до сих пор не переведено.

Эти книги выходили небольшими тиражами – их можно найти сейчас только в фондах крупных научных библиотек.

О первом русском кругосветном плавании опубликовано еще несколько отчетов и путевых журналов – полномочного посла в Японию Н. П. Резанова, приказчика Российско-Американской компании Н. И. Коробицына, иеромонаха Александро-Невской лавры Гедеона, посланного Синодом для «обозрения новоиспеченных» в Российско-американских владениях, позднее миссионера на Кадьяке, где он открыл в 1805 г. двухклассное училище.

В 1816-1818 гг. подробный журнал опубликовал приказчик Ф. И. Шемелин, его более полный рукописный оригинал хранится в Отделе рукописей РНБ. По стилю и содержанию текст «Журнала» Шемелина близок к описанию путешествия Н. П. Резанова в «Отечественных записках» 1822-1825 гг. и второй (японской) части его «Журнала» в вышедшем недавно сборнике «Командор». Дневник Резанова и книга Шемелина во всех подробностях освещают пребывание в Японии и ход переговоров с японскими чиновниками. Часть описания плавания Лисянского, дневники Коробицына и Гедеона, а также 2-й том описания путешествия Лангсдорфа посвящены Русской Америке, островам Кадьяк и Ситха.

К сожалению, описание путешествия Н. И. Коробицына вышло во время Великой Отечественной войны (1944) с большими искажениями в написании географических названий, имен и терминов из-за незнания редакторами реалий экспедиции. Те же недостатки можно отметить в публикации «Записок» иеромонаха Гедеона (1994) и «Журнала» Н. П. Резанова в сборнике «Командор» (1995).

Но ни в одном прижизненном издании, несущем на себе печать официальности и политической корректности, нет таких подробностей, как в дневниках лейтенантов «Надежды» Е. Е. Левенштерна и М. И. Ратманова, не предназначавшихся для публикации.

Макар Иванович Ратманов, участник русско-шведской войны, а в 1798-1800 гг. блокады и взятии крепости Корфу и Ионических островов в составе эскадры Ф. Ф. Ушакова, впоследствии вице-адмирал (1829), оставил три варианта (два хранятся в архивах Петербурга, третий – во Франции) весьма колоритного по стилю журнала кругосветного плавания.

К сожалению, дневники Ратманова, «Журнал» штурмана «Невы» Данилы Калинина, рукопись приказчика Ф. И. Шемелина и немецкая рукопись В. Т. Тилезиуса до сих пор не опубликованы.

Инициативная группа проекта «Путь предков», членом которой я являюсь, в 2003 г. отредактировала и опубликовала перевод (результат кропотливого многолетнего труда одного из старейших сотрудников Кунсткамеры, канд. ист. наук Т. К. Шафрановской) немецкой рукописи Е. Е. Левенштерна, обширного дневника участника плавания, еще не включенного в научный оборот. Левенштерн ежедневно записывал все события, происходившие на борту «Надежды», все впечатления от высадки на берег, особенно в экзотических странах – в Бразилии, Полинезии, Японии, Китае. Он вел дневник исключительно для себя и потому отмечал все забавные, смешные и даже неприличные происшествия на корабле. В истории путешествий трудно назвать другое описание кругосветного плавания, написанное столь живо и неофициально, с подробностями, не просто житейскими, а уже бытовыми, почти физиологическими. Все авторы упоминают о событиях плавания в нейтральном тоне, и только Левенштерн и Ратманов высказывают свое, зачастую негативное, отношение к происходящему. Дневник отличается массой дополнительных штрихов к образам участников плавания и подробностей, не попавших в официальные отчеты.

Если океанографический материал в работах Круzenштерна и Лисянского был сразу востребован, и им довольно долго пользовались мореплаватели разных стран, то их страноведческие, прежде всего этнографические, данные не воспринимали как серьезное исследование.

Отдавая должное трудам участников первого российского кругосветного плавания, историки и этнографы никогда не рассматривали их в комплексе. Они использовали отдельные цитаты из описаний путешествия Круzenштерна и Лисянского, иногда Гедеона и Коробицына, часто оставляя в стороне сведения других – Лангсдорфа, Левенштерна, Ратманова, Резанова, Тилезиуса, Шемелина, Эспенберга.

Еще хуже обстоит дело с иллюстративным рядом. Наряду с опубликованными альбомами, существует целый пласт рисунков, эскизов, никогда не публиковавшихся и мало ком виденных.

Чтобы восполнить этот пробел, мы, инициативная группа проекта «Путь предков», подготовили ныне к печати большой альбом, посвященный историко-этнографическому наследию участников первого кругосветного плавания россиян на кораблях «Надежда» и «Нева» под названием «Вокруг света с Крузенштерном».

Мы дополнили изданные в начале XIX в. гравюры никогда не публиковавшимися рисунками (из архивов Санкт-Петербурга, Москвы и Тарту) – натуралиста В. Т. Тилезиуса, лейтенанта «Надежды» Е. Е. Левенштерна, а также из обнаруженного нами еще одного альбома Лангсдорфа, посвященного ботанике. Сопоставление одних и тех же предметов, мест на иллюстрациях разных авторов позволило определить многие географические объекты, ранее остававшиеся неназванными на листах атласа Крузенштерна (например, Кибачи, Мегасаки, Дезима в Японии), «опознать» маркизцев, изображенных на портретах, и получить новую достоверную историческую информацию.

По странам и континентам...

В нашем альбоме иллюстративный материал последовательно отражает весь путь экспедиции. «Надежда» и «Нева» вышли из Кронштадта 26 июля /7 августа 1803 г. и, зайдя в Копенгаген, Хельсингёр и Фалмут, покинули берега Европы. В октябре 1803 г. они зашли на Тенерифе (Канарские острова), 14/26 ноября пересекли экватор и встретили Рождество на острове Санта-Катарина у берегов Бразилии, поразившей их разнообразным животным и растительным миром. Пройдя мыс Горн, корабли разлучились во время шторма, – Лисянский обследовал остров Пасхи, а Крузенштерн направился прямо к Нуку-Хива (Маркизские острова), где корабли встретились (25 апреля /7 мая – 6/18 мая 1804 г.). И, может быть, самые экзотические впечатления у них остались от знакомства с Океанией – островами Маркизскими, Пасхи и Гавайскими.

От Гавайских островов Лисянский пошел в Русскую Америку, где принял участие в осаде Ситхинской крепости, захваченной индейцами. Крузенштерн, доставив на Камчатку компанейский груз (3/15 июля – 26 августа /7 сентября 1804 г.), отправился в странную, закрытую от всего мира Японию, где «Надежда» больше полугода стояла на якоре около Нагасаки (с 26 сентября /8 октября 1804 г. по 6/18 апреля 1805 г.), пока шли переговоры с японскими чиновниками о принятии Российского посольства. Миссия окончилась неудачей, и «Надежда» летом 1805 г. вернулась в Петропавловск, а потом вышла в Охотское море для исследования Сахалина. С Камчатки камергер Резанов и натуралист Лангсдорф на галиоте «Мария» отправились в Русскую Америку, а «Надежда» и «Нева» встретились снова в Макао (8/20 ноября 1805 – 31 января /12 февраля 1806 г.), где, продав груз мехов, закупили чай и другие китайские товары. «Надежда», зайдя на остров Св. Елены, в Хельсингёр и Копенгаген вернулась в Кронштадт 7/19 августа 1806 г. «Нева» без захода на о. Св. Елены вернулась в Кронштадт на две недели раньше – 22 июля /3 августа 1806 г.

При работе над нашим альбомом мы использовали следующие источники иллюстративного материала:

1. «Атлас к путешествию вокруг света» И. Ф. Крузенштерна, изданный на немецком языке в 1814 г.

Этот атлас – плод коллективного труда. В нем гравюры, сделанные по рисункам ботаника и зоолога, доктора философии Лейпцигского университета В. Т. Тилезиуса (он был главным художником экспедиции и им выполнена большая часть живописных листов альбома Крузенштерна) и астронома И. К. Горнера (впоследствии корреспондента Императорской Академии наук); карты, нарисованные под руководством Крузенштерна талантливыми геодезистами и картографами лейтенантом Е. Е. Левенштерном и мичманом Ф. Ф. Беллинсгаузеном (будущим адмиралом, первооткрывателем Антарктиды), к сожалению, без указания конкретного авторства последних. Атлас

включает 32 подлинно художественных пейзажа, 44 портрета жителей Маркизских островов, японцев, китайцев, айнов, алеутов, камчадалов, китайских татар (нивхов), 18 карт, 17 листов видов берегов, 4 листа этнографических предметов.

38 иллюстраций Тилезиуса (на 24 листах) в Атласе Круzenштерна запечатлели редких представителей животного и растительного мира – млекопитающих, птиц, рыб, морских животных, растения разных регионов Земли. В плавании на «Надежде» Тилезиус вел зоологические и орнитологические исследования, впоследствии издал ряд работ, посвященных кишечнополостным, иглокожим и рыбам.

2. «Собрание карт и рисунков, принадлежащих к путешествию Ю. Ф. Лисянского», изданное на русском языке в 1812 г. и переизданное в 1947 г., а также и английское издание (1814 г.) описания его плавания, включающие 13 карт, 3 листа этнографических рисунков и 2 пейзажа, выполненные им самим.

3. Описание путешествия Г. Г. Лангсдорфа, в котором 12 пейзажей, 5 жанровых сцен, 3 портрета, 13 листов этнографических рисунков натуралиста, доктора медицины Г. Г. Лангсдорфа (впоследствии российского генерального консула в Рио-де-Жанейро, исследователя Амазонии). Узнав о кругосветной экспедиции, он отправился в Копенгаген, где сам предложил свои услуги естествоиспытателя И. Ф. Круzenштерну и Н. П. Резанову, принялшим его в штат экспедиции. Лангсдорф оставил «Надежду» на Камчатке и отправился с Резановым в Русскую Америку.

Лангсдорф поместил в свою книгу также 2 пейзажа, нарисованные майором свиты Резанова Е. К. Фридерици, и 6 чертежей лодок и байдар, выполненных корабельным подмастерьем И. Корюкиным.

4. Ботанический альбом Г. Г. Лангсдорфа, включающий изображения 30 видов растений Бразилии, Маркизских островов и Японии, 16 из которых были впервые описаны самим Лангсдорфом.

5. Архивная рукопись лейтенанта «Надежды» Е. Е. Левенштерна, где содержится более 170 рисунков: 36 пейзажей, в том числе 18 японских, 95 этнографических предметов – из них 69 японских, 10 портретов, 16 карт и видов берегов, 9 жанровых сцен, 14 карикатур. Эти рисунки вклеены автором в рукопись его дневника, уже изданного нами.

6. Ряд рисунков В. Т. Тилезиуса из его путевых альбомов, хранящихся в Москве (РГБ). Рисунки посвящены Японии и Маркизским островам.

7. 4 рисунка В. Т. Тилезиуса из альбома, который находится в РАН. Они представляют насекомых Бразилии, а также обелиск Св. Марии на о. Санта-Катарина.

Весь иллюстративный ряд нашего альбома, а это более 500 гравюр, рисунков, карт, снабжен комментариями – отрывками из дневников и путевых журналов участников плавания, как опубликованных, так и архивных – капитанов Круzenштерна и Лисянского, посла Резанова, лейтенантов Ратманова, Левенштерна, приказчиков Шемелина и Коробицына, штурмана Калинина, натуралистов Лангсдорфа, Тилезиуса, доктора Эспенберга. Русские материалы даны с соблюдением орфографии подлинника или первого издания, текст Лангсдорфа и Эспенберга (из лондонского «Философского журнала») – в переводах составителей с немецкого, английского и французского языков.

Мохнатые курильцы и маркизские людоеды

Непосредственные наблюдения российских мореплавателей являются ценным историческим материалом, главным образом, по Японии и по народам Полинезии, прежде всего Маркизских островов.

Плавание Круzenштерна познакомило с загадочной Японией не только Россию, но и мировую науку. Как отмечал Е. Е. Левенштерн, «мы сделали здесь больше, чем голландцы за 300 лет». Он имел в виду, что россияне впервые составили карты японских берегов, но эти слова столь же справедливо можно отнести к этнографическим

материалам и рисункам. В японской части нашего альбома большое количество флагов и монов – японских гербов, зарисованных Левенштерном во время стоянки в Нагасаки. Материалы по японской геральдике почти не известны у нас в стране, они интересны также японским специалистам как новый исторический источник.

Участники плавания фактически впервые познакомили научную общественность с двумя древними «экзотическими» народами – айнами (жившими на Хоккайдо, Сахалине и южных островах Курильской гряды), а также нивхами Сахалина. В ряде портретов они достоверно передали антропологический тип айнских мужчин и женщин, зарисовали жилища, лодки, одежду, орудия труда, описали их материальную культуру и особенности хозяйства. Россияне называли айнов также «мохнатыми» курильцами – в отличие от японцев, у айнов были буйные копны волос на голове и действительно «мохнатые» бороды. Крузенштерну очень понравились айны. В «Путешествии вокруг света» (Ч. II, 1810. С. 85-86) он пишет: «Скромность их чрезвычайна; они никогда ничего не требуют и не просят, даже и даваемое им принимают сумняся, действительно ли то для них назначено... Такие подлинно редкие качества, коими обязаны они не возвышенному образованию, но одной только природе, возбудили во мне то чувствование, что я народ сей считаю лучшим из всех прочих, которые доныне мне известны».

Но может быть, главное историко-этнографическое значение первой российской кругосветки в том, что она запечатлела (в отчетах и рисунках) жизнь айнов, нивхов, гавайцев, маркизцев, какой она была до радикальных изменений, вызванных контактами с европейцами.

За сто лет (между визитом Кука и прибытием первых ученых-антропологов) исконная маркизская культура практически исчезла в силу катастрофического сокращения аборигенного населения и других социальных бедствий. Изучать ее стало возможным только по историческим свидетельствам. Участники российской кругосветной экспедиции дают нам массу интересных, нужных сведений «из первых рук», до сих пор невостребованных исследователями, обо всех сторонах жизни, быта, культуры, обычаях жителей Маркизских островов конца XVIII-XIX вв. Они первыми осмыслили обычаи и обряды маркизцев, которые так ужасали многих мореплавателей. Оказавшись среди дикарей-«людоедов», они воспринимали их с уважением и увидели в них много приятных и привлекательных черт характера.

Хотя Маркизские острова открыты Альваро де Менданьей еще в 1595 г., отчет его экспедиции не был проиллюстрирован, и до плавания Крузенштерна опубликовано только пять изображений, посвященных Маркизским островам – 4 гравюры художника Уильяма Ходжеса, участника второго плавания Дж. Кука (1774 г.) и одна в описании плавания француза Э. Маршана (1801 г.).

После плавания Крузенштерна издавались и другие зарубежные путевые журналы и отчеты, включавшие оригинальные иллюстрации, но их было немного, и они не были столь интересны. Однако и работы российской экспедиции далеко не сразу были оценены: даже в первом английском переводе труда Крузенштерна, английский издатель не считал нужным публиковать гравюры из-за «их невыразительности и незначительности информации, которую они несут, так что книга не претерпит урона и без них». На самом же деле гравюры участников плавания Крузенштерна – настоящее сокровище для ученых и художников, занимающихся Полинезией и прежде всего Маркизскими островами.

Но уже с 1830-х гг. российские гравюры стали тиражировать, иллюстрировать ими книги по истории островов Полинезии, их искусству, а главное, по татуировке. К тому же издали их измененияли, перерисовывали, комбинировали, как хотели, зачастую не указывая имен авторов, так что гравюры зажили своей жизнью. (Интересно, что маркизы используют эти гравюры и теперь: рисуют их на тапе – материи из коры бумажной шелковицы – и продают туристам. Они берут образцы из книг конца XX в. Особенно популярны у маркизских художников гравюры Лангсдорфа «Воин» и «Молодой воин», правда, сильно огрубленные по сравнению с оригиналами. «Молодой воин», фактически

символ маркизского прошлого, пользуется самой большой любовью и у местных жителей и у туристов. Он стал даже эмблемой отеля «Кеикахануи» на Нуку-Хиве, одного из россыпи роскошных отелей Французской Полинезии. Кеикахануи был легендарным воином долины Хатихеу, где расположен отель. Пейзаж на рисунке Лангсдорфа соответствует месту, где стоит отель).

Иностранные исследователи считают, что по Маркизским островам в XIX в. издано около 50-60 гравюр. Из них рисунки участников российского плавания (в различных изданиях их насчитывается около 30 – это карты, пейзажи, портреты, предметы материальной культуры, птицы и рыбы) составляют примерно 60 % от общего числа.

В нашем же альбоме нам удалось сбрать около 90 гравюр и архивных рисунков, посвященных Маркизским островам, что повышает эту цифру в 3 раза.

Иллюстративный ряд, созданный участниками плавания Крузенштерна надолго сохранит свое непреходящее научное значение. Он заслуживает серьезного внимания и тщательного изучения.

Мы старались приводить подробные цитаты, сравнивать сведения из разных, часто противоречивых, источников, чтобы воссоздать объемное представление о событиях первой российской кругосветной экспедиции, возникшее у нас в процессе исследования: ведь мы опирались на мысли и ощущения ее участников, представляющих различные национально-культурные слои России и Европы начала XIX в. Надеемся, что нам удалось сохранить и донести это представление до Вас,уважаемый читатель.

Я благодарю за помощь в сборе материала для этой книги автора и руководителя проекта «Путь предков» Алексея Вячеславовича Крузенштерна, кандидата исторических наук Тамару Константиновну Шафрановскую, издательство «Крига». Надеемся, что эта публикация послужит знакомству наших читателей с тем, какую роль сыграла первая российская кругосветная экспедиция в истории России и какой вклад внесли ее участники в науку.

Книга выполнена как строго научное издание, но рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей России, этнографией и культурой Полинезии, Японии и других стран, и, как мы надеемся, займет достойное место в ряду книг, посвященных первой российской кругосветной экспедиции.

Fedorova O. M.

«ROUND THE WORLD WITH KRUSENSTERN»

To the 200-year's anniversary of first Russian round-the-world navigation the initiative group of the project «Way of ancestors» has prepared a large album «Round the world with Krusenstern», devoted to historic and ethnographic heritage of navigators on ships «Nadeshda» and «Neva» (1803-1806)

We have added engravings issued in the beginning of XIX century by never published figures (from archives of St.-Petersburg, Moscow and Tartu) drown by naturalist W. T. Tilesius, lieutenant of ship «Nadeshda» E. E. Loewenstern. The comparison of the same subjects on the illustrations of different authors has allowed to determine many geographical objects, early not named, aborigines, represented on portraits, – and receive new authentic historical information.

All illustrations of our album (more than 500 engravings, figures, cards) is supplied with the comments – fragments from diaries and travelling journals of the navigation participants, both published and archival, wrote by captains Krusenstern and Lisiansky, ambassador Resanov, lieutenants Ratmanov and Loewenstern, merchants Schemelin and Korobitsin, naturalists Langsdorff, Tilesius, doctor Espenberg.

The direct supervision of the Russian seafarers is a valuable historical material, mainly devoted to peoples of Japan and Polynesia, first of all, Marquesan islands.

The main historic and ethnographic importance of the first Russian round-the-world voyage was in impressing (in reports and figures) of Ainos, Niwches, Hawaiians, Marquesans life before it radically changed by contacts with Europeans.

An illustrations created by the participants of Krusenstern's navigation keep until our time their scientific importance. It deserves serious attention and careful study. We hope, that this publication will serve to acquaintance of our readers with the role of this expedition in Russian history and contribution brought to science by its participants.

И.Ф.Крузенштерн

UREY LISIANSKY

K.G. & V.

Ю. Ф. Лисянский

Drawn and Etched by J. Atkinson.

Native of Nukahiva

Published June 1. 1813, by J. Murray, Albemarle Street.

Мухай – маркизский воин (гравюра по рис. В. Т. Тилезиуса)

Айн с Хоккайдо (гравюра по рис. В. Т. Тилезиуса)

Бразильская бабочка (рис. В. Т. Тилезиуса)

Японские женщины (гравюра по рис. В. Т. Тилезиуса)

БИБЛИОТЕКИ В ПУТЕШЕСТВИЯХ

Лидия Игоревна Новикова,
библиотекарь отдела комплектования
Центральной военно-морской библиотеки

Библиотека – при этом слове в памяти возникают тихие залы, длинные ряды стеллажей, привинченных к полу. Библиотека – это нечто стабильное, незыблемое, недаром в средние века книги даже приковывали к полкам цепями.

Но были книги, которые, не страшась штормов и кораблекрушений, покидали свои тихие обители и вместе с хозяевами отправлялись на поиски новых островов и континентов. Эти книги – друзья и помощники первооткрывателей – огибли Земной шар на парусных кораблях; их страницы, залитые соленой морской водой, хранят пометки, сделанные известными мореплавателями.

Какова же была судьба книг после возвращения корабля в родную гавань? Они снова занимали свое место на полках библиотеки Гидрографического департамента, флотских библиотек, личных книжных собраний путешественников. Многие книги, уже обойдя вокруг света, снова отправлялись в путешествия. Например, на форзаце первого тома из хранящегося в Центральной военно-морской библиотеке 21-томного собрания «Сокращение всеобщей истории путешествий, содержащее все достопримечательное, полезное и лучшее, что было встречено путешественниками в странах, где они побывали, нравы обитателей, религия, обычаи, искусства и науки, торговля, промышленность» французского литератора Жана-Франсуа Лагарпа, рукою И. Ф. Крузенштерна, по-немецки написано: «Эта книга дважды обошла вокруг света, на «Надежде» в 1803 и на «Рюрике» в 1815». Дважды обошел вокруг света и однотомный сборник «Открытия французов в 1768-1769 на юго-востоке от Новой Гвинеи» (Париж, 1790), составленный бывшим капитаном корабля, а затем министром морских сил Франции (в 1790-1791) Шарлем-Пьером Кларе де Флерье. Об этом свидетельствует надпись И. Ф. Крузенштерна на форзаце «Nadeshda 1803-1806, Rurik 1815-1818». Такие надписи можно сравнить с наградами на груди ветерана – Крузенштерн, бравший их с собой в первое плавание россиян «около света», поставил высшую оценку этим сочинениям, выдав их на время О. Е. Коцебу, отправлявшемуся, в свою очередь, в кругосветное путешествие на бриге «Рюрик».

Конечно, такие уникальные книги – настоящие памятники, представляют огромный интерес для историков и книговедов. Однако много лет они пылились на полке, ничем не выделяясь среди других.

Долгое время читателям не было известно и о хранящейся в ЦВМБ книжной коллекции, принадлежащей адмиралу И. Ф. Крузенштерну, переданной из Эстляндии его внуками в 1915 г. и растворившейся позднее в общем массиве фонда. (Опись, полученная вместе с книгами, оказалась «похороненной» в шкафу под грудой других документов и найдена лишь в 1996 г.) Хорошо, что сотрудники обратили внимание на экслибрисы, определяющие принадлежность книг к коллекции адмирала, и, проявив инициативу, еще в 1970-е гг. начали выделять книги в отдельное хранение. Таким образом, мы имеем сегодня возможность познакомить читателя с уникальной личной библиотекой И. Ф. Крузенштерна.

Отметим, что снижение интереса к частным книжным коллекциям характерно для большинства библиотек в советский период. В последнее время положение изменилось: вместе с общим подъемом интереса к отечественной истории, большинство крупных библиотек начали работу по выявлению в своих фондах частных книжных собраний. Однако уникальность фондов Центральной военно-морской библиотеки состоит в том, что помимо ценных частных коллекций, составляющих большую и интересную часть фонда «Редкой книги», в Библиотеке хранятся издания, бывшие в свое время «полноправными

участниками» первых русских кругосветных экспедиций. Вопрос о выявлении этих книг в фонде встал сравнительно недавно: сотрудники, занимаясь поисками книжного собрания Круzenштерна, обнаружили две книги с надписью «Надежда» (название корабля первой русской кругосветной экспедиции 1803-1806 гг.). Вскоре стало ясно, что внутри фонда можно найти основную часть корабельной библиотеки «Надежды» и книги других экспедиций XIX в., уходивших в плавание с Кронштадтского рейда.

Чтобы понять, какую функцию выполняли библиотеки на корабле, надо вернуться на 200 лет назад, представить себе то время, когда молодой российский флот только начинал осваивать просторы мирового океана.

Первая половина XIX в. – «золотой век» российского морского навигационного искусства. Командиры русских парусных судов, идущих вокруг света, в большинстве своем старались так прокладывать свои пути в океане, чтобы они не совпадали с путями, уже «проторенными» английскими, французскими и американскими моряками. Даже во время коммерческих плаваний они пользовались любой возможностью, чтобы осмотреть неизвестные акватории.

Вне зависимости от прямых задач плавания русские моряки почти всегда стремились сделать как можно больше различных географических, гидрографических, метеорологических и иных наблюдений, выполнить научные исследования, измерения различных параметров, например, температуры воды, ее плотности, солености.

К середине 20-х гг. XIX столетия в отечественном кругосветном мореплавании произошли значительные качественные изменения, обусловленные в первую очередь приобретением практического опыта длительных океанских плаваний. Появилась русская школа кругосветного мореплавания, не только не уступающая мореплавательским школам признанных морских держав, но и во многом их превосходящая. На базе первых научных экспедиций были заложены основы российской океанографической науки.

Книги на кораблях оказывали неоценимую помощь морякам. Описания прежних кругосветных путешествий использовались моряками в качестве лоций и пособий по мореплаванию. Об этом колоритно сказано в описании плавания Кука в труде Лагарпа: «Не было человека, который не томился бы желанием увидеть поскорее землю. Книга, содержащая в себе описание Минданы [т. е. Менданы], не выходила у нас из рук. Разстояние от островов Маркизатских до Перунии [Перу] означено было темно, а потому и заставляли мы заниматься вычислениями долготы мест. Пять дней разъезжали мы по морю, на тех, по мнению нашему, плесах, на которых географы полагают сказанные острова» (Лагарп Ж. Ф. Сокращение всеобщей истории... Т. XXI. М.: Университет. 1787. С. 127-128).

До 1859 г. казенных библиотек на судах не существовало. На корабли отпускались только одни уставы, регламенты и немногочисленные пособия для плавания: лоции, морские альманахи. Командирам судов приходилось самим заботиться об обзаведении нужной литературой, в большинстве случаев на свои собственные деньги. Книга, а в особенности научная, в это время была товаром достаточно дорогим и редким. Подобрать требуемую литературу на корабль, отправляющийся в дальнее плавание, было непростой задачей. В основном библиотеки формировались из 5 источников:

- книги из личных собраний участников экспедиций;
- книги, выданные морской библиотекой;
- книги, полученные специально для плавания в экипажеских магазинах (на морских складах);
- книги, приобретенные самими путешественниками за границей, чаще всего на первых стоянках в Копенгагене и Лондоне;
- книги, полученные в дар специально для экспедиции от других российских и иностранных ученых и исследователей.

Возвращаясь из заграничного плавания, офицеры привозили с собою нередко большое количество иностранных книг. На кораблях они составляли «временную»

библиотеку. Но эти библиотеки не принадлежали конкретному судну, книги не оформлялись и по окончании плавания разбирались владельцами – капитаном, офицерами и натуралистами. Перед каждым плаванием новый личный состав корабля должен был вновь позаботиться о создании библиотечек. Однако именно то, что корабельные библиотеки этой эпохи де-юре не существовали, помогло им дожить до наших дней, тогда как «официальные» библиотеки более позднего времени, «привязанные» к конкретным кораблям, расформированы и следы их потерялись.

В первую половину XIX в. книги из Морской библиотеки выдавались на корабли временно, и мы имеем возможность примерно представить себе репертуар литературы и даже найти сами книги. Например, архив, хранящийся в ЦВМБ, располагает списками литературы, которую выдавали на корабли, отправлявшиеся в кругосветные плавания в 1820-1860-х гг. По возвращении из экспедиций капитаны сдавали обратно в библиотеку книги, которые они брали «по абонементу», а также дарили литературу, купленную ими в различных частях света. Назад книги принимали тоже по списку, об утерянных и испорченных книгах составляли рапорты. По этим спискам можно проследить, что же именно брали с собой российские мореплаватели, и в дальнейшем выявить эти издания в фонде. Другой путь – поиск *de visu* «от полки», когда, просматривая книги, подходящие по году издания, мы внимательно ищем какие-либо закладки, маргиналии, автографы, сделанные рукой мореплавателей. Многие книги экспедиции «Надежды» были атрибутированы именно по таким признакам.

Книги библиотеки «Надежды» хранятся в иностранном фонде ЦВМБ, в отдельную коллекцию пока не выделены, но на них составлен электронный каталог (с указанием особенностей экземпляра, его сохранности, следов морской воды на страницах и переплете, помет владельцев и вложенных записок, закладок, если они имеются).

Российские мореплаватели оставили также богатейшее наследие – описания плаваний, атласы и другие научные труды, в которых они цитируют использованные работы своих предшественников. Анализируя эти цитаты, мы можем установить, какими именно книгами пользовались исследователи в экспедиции.

Изучение корабельных книжных собраний дает огромный простор для исследований в области истории, книговедения, географии, океанографии и этнографии. В отличие от частных книжных собраний, исследуя которые мы можем получить представление о вкусах, культурных запросах их владельцев, корабельные библиотеки дают возможность определить круг авторов, чьи книги использовались как инструменты в научной работе. Эти собрания книг подобраны специально для определенных научных целей. Книги для экспедиции комплектовались обычно коллективными усилиями ученых и опытных моряков: исходя из личного опыта, они выбирали издания, наиболее соответствующие поставленной цели, то есть содержащие точные и проверенные сведения, которые могли пригодиться в далеком плавании, в отрыве от цивилизации. Корабельные библиотеки были призваны обслуживать интеллектуальные запросы целой группы специалистов в разных областях знаний. Находящиеся на борту натуралисты и естествоиспытатели брали с собой наиболее полезные с их точки зрения справочники и пособия по естественным наукам (определители животных, растений, насекомых и др.).

Если задаться целью выявить наиболее значимые и полезные (в прикладном смысле) труды рассматриваемого времени в области географии, гидрографии, естественных наук, то собрания корабельных библиотек могут послужить незаменимым источником сведений и вполне достоверным критерием. И корабельные библиотеки, о которых мы говорим, содержали именно тот необходимый «джентльменский набор», без которого ученый первой половины XIX в. не мыслил научной деятельности, книги и атласы являлись единственными доступными источниками информации. И если книга, как, например, учебник астрономии И. Войта обошла вокруг света дважды – в экспедициях Крузенштерна, а затем Коцебу, то мы можем с уверенностью говорить о том, что функцию информационного ресурса она выполнила на 200 %.

В качестве примера важности и значимости «работы» корабельной библиотеки (а их было много), можно привести знаменитую историю постройки корабля «Хэда».

Шел 1852 год. Россия отправила дипломатическую экспедицию во главе с вице-адмиралом Е. В. Путятиным для установления дружеских отношений с загадочной и до последнего времени закрытой от европейцев страной – Японией. Переговоры с японцами продвигались непросто и заняли несколько лет. Тем временем корабли, перед которыми также стояли задачи географических исследований, бороздили соседние моря. Путятин, сделав перерыв в переговорах, в 1854 г. вернулся в Японию на фрегате «Диана». Корабль пришвартовался в бухте Симода (ныне Симада). На берег, как водится, русских моряков не пустили. А через два дня случилось страшное землетрясение: город Симода был стерт с лица земли, русским морякам удалось увести поврежденную «Диану» в бухту Хэда, но там она все же затонула. В работе «Воспоминания старого моряка» (М., 1892. С. 48) лейтенант «Дианы» Н. Г. Шиллинг писал: «На кубрике и, следовательно, в кают-компании вода стояла выше пояса. Люди вытаскивали из нижней палубы мокрые вещи, связывали книги, белье и т. п. и отправляли узлы на берег, до достижения которого они большею частию подвергались еще раз купанию в бурунах».

Среди спасенных книг оказался январский номер «Морского сборника» за 1849 г. со статьей и чертежами шхуны главного командира Кронштадтского порта «Опыт», спроектированной кругосветным мореплавателем и кораблестроителем И. И. Шанцем. Там были даны основные размеры судна, рангоута и трех главных парусов. По этим данным составили чертежи, и на их основе русские моряки под руководством А. Ф. Можайского и А. А. Колокольцева построили в Японии шхуну «Хэда», на которой часть экипажа «Дианы» добралась до Петропавловска.

Сам автор чертежей «Опыта» И. И. Шанц отметил: «Как не порадоваться, что журнал этот мог быть столько полезен, что способствовал исполнению намерений адмирала нашего флота, и что постройка маленькой шхуны займет страницу в истории японского флота и увековечит память о Русских, которые были как бы учителями Японцев по судостроению» (Шанц И. И. Возражение на статью: «Постройка шхуны «Хеда» // Морской сборник. 1856. № 10. Смесь, 1).

И действительно «Хэда» стала, как ее называли, дедушкой японского флота – по ее образцу японцы сразу же заложили три своих шхуны.

Постройка шхуны «Хэда» наглядно показывает «полезную работу» корабельных собраний в трудных, экстремальных условиях.

Известно, что значимость и «работу» книг в частных коллекциях и раньше, и в настоящее время определить бывает трудно. Не секрет, что книга в личном собрании зачастую служит предметом интерьера, для украшения кабинетов могут пригодиться красиво переплетенные издания (обычно словари и энциклопедии). Например, книги библиотеки Великого князя Константина Николаевича имеют роскошные переплеты, выполненные из красного или зеленого сафьяна часто с золотым тисненым средником на обеих крышках — двуглавым орлом, держащим в лапах и клювах свитки с картами четырех морей — Белого, Балтийского, Черного и Каспийского. Но по содержанию они далеко не равноценны, многие, судя по неразрезанным страницам, даже не были открыты, а тем более прочитаны. В этом случае книга является знаковым символом, призванным нести информацию о положении в обществе, достатке, широком круге интересов своего владельца.

Анализируя корабельные собрания первой трети XIX в., мы можем отчетливо наблюдать, как развивалась российская наука и научное книгоиздание. Если в библиотеке «Надежды», отправившейся в плавание в 1803 г., русскоязычные книги отсутствовали (так как в это время русскоязычная литература по морскому делу практически не издавалась), то в корабельной библиотеке «Сенявина» (1829 г.) таких книг уже 33 (считая и атласы). Из них 22 – книги русских авторов, остальные – переводные. В списке книг, выданных

И. И. Шанцу для кругосветного плавания на «Америке» в 1834 г., русскоязычных книг числится 7, из 10 общего количества.

В первой трети XIX в. в российской географии, гидрографии, геодезии появляется много новых имен, в науку приходит поколение исследователей, выучившихся на книгах Дж. Кука, Э. Маршана, Дж. Ансона, Ж. Ф. Лаперуза и теперь создающих собственные описания путешествий, атласы, мореходные пособия. Большое внимание уделяется и переводу на русский язык зарубежной литературы. И. Ф. Крузенштерн, ставший почетным членом Государственного Адмиралтейского департамента, уже с 1810-х гг. заботился о пополнении библиотеки Адмиралтейства новыми книгами, а также рекомендовал сделать переводы на русский язык лучших иностранных сочинений, представляющих интерес для морских офицеров.

В списке библиотеки корабля «Надежда» присутствует всего лишь одна книга, изданная в Санкт-Петербурге издательством Академии наук, правда, на немецком языке. Это «Теоретическая астрономия» астронома, математика и геодезиста академика Ф. И. Шуберта.

Русские книги, присутствующие в составе корабельных библиотек последующих лет, изданы в основном Морской типографией в Санкт-Петербурге. Типография начала свою работу в 1722 г. с издания книги «Наука статическая или механика». В 1803 г., то есть в год начала первой российской кругосветки, Морская типография была выделена из состава Морского корпуса и подчинена непосредственно товарищу морского министра (должность, которую тогда занимал П. В. Чичагов). Это было сделано вследствие большого числа и важности для военного флота печатаемых ею документов: морских карт, руководств и пособий для плавания, указов, шкиперских регламентов, учебников, патентов, паспортов на суда и т. п.

Были на борту кораблей и книги, изданные в других типографиях, например, в знаменитой типографии Н. И. Гречи, издателя А. С. Пушкина (это часто встречающиеся в составе корабельных библиотек той эпохи книги российского историка и мореплавателя В. Н. Берха), типографии Ф. Дрехслера, типографии Российской Академии наук.

Все кругосветные мореплаватели были людьми образованными, в библиотеке «Надежды» присутствуют книги по крайней мере на 4 языках. В ней преобладает литература на французском и английском языках, но также имеется группа немецких изданий и одно испанское.

Проведя тематический анализ корабельных библиотек в ЦВМБ, мы можем разделить все книги на три основные группы:

- самая большая группа – описания путешествий выдающихся российских (О. Е. Коцебу, И. Ф. Крузенштерна, Г. А. Сарычева) и зарубежных (в основном английских – Дж. Ванкувера, Дж. Кука) мореплавателей;
- навигационные и технические книги;
- географическая (страноведческая) литература.

Также можно выделить основной круг авторов, характерный практически для любой корабельной библиотеки первой трети XIX в. Из российских мореплавателей и путешественников это И. Ф. Крузенштерн, О. Е. Коцебу, В. М. Головнин, Ю. Ф. Лисянский, Г. И. Давыдов, С. П. Крашенинников. Зарубежные авторы представлены книгами, написанными Джеймсом Куком и его спутниками, М. Флиндерсом, Дж. Ванкувером, мореходными таблицами Х. Мендозы-Риоса.

В конце 50-х гг. XIX столетия эпоха организованных неофициально корабельных библиотек заканчивается. Ставший во главе Морского министерства генерал-адмирал Великий князь Константин Николаевич, уделял большое внимание вопросам образования матросов и офицеров, прекрасно сознавая, что только грамотные, культурные люди могут создать сильный флот в быстроменяющемся мире.

В 1859 г. на корабли при отправлении в первый раз в иностранные воды было велено отпускать на обзаведение русскими книгами 300 рублей серебром и затем

ежегодно по 60 рублей на пополнение библиотеки. На библиотеки для судов малого каботажа денег не отпускали, им предписывалось брать книги из портовых казенных библиотек. Такой порядок комплектования продержался до 1911 г. Обычно вновь спущенное на воду судно получало некоторую сумму на комплектование библиотеки, которую оно затем пополняло во время плавания книгами из портовой библиотеки и покупками за счет офицеров. Книги начинают переплетать в единообразные переплеты, иногда их украшают золотым тиснением с названием корабля, более скромные библиотеки ставят штамп на форзаке.

Недостаток этих библиотек – отсутствие систематизации и ненадежность хранения. С 1911 г. все новопостроенные корабли стали снабжаться казенными однотипными библиотеками, которые должны были обслуживать офицеров по всем специальным вопросам. На пополнение беллетристикой и журналами тоже отпускалась некоторая сумма, которая по желанию офицеров могла быть увеличена добровольными вычетами. С этого момента корабельные библиотеки теряют свою индивидуальность.

Но в библиотеках первых российских кругосветок, как в зеркале, отразилась история развития отечественной мореходной науки. Мы видим, как участники первых российских экспедиций, базируясь только на опыте зарубежных ученых и путешественников, проводили исследования и создавали свои труды, которые, в свою очередь, стали учебными пособиями для следующих поколений российских моряков.

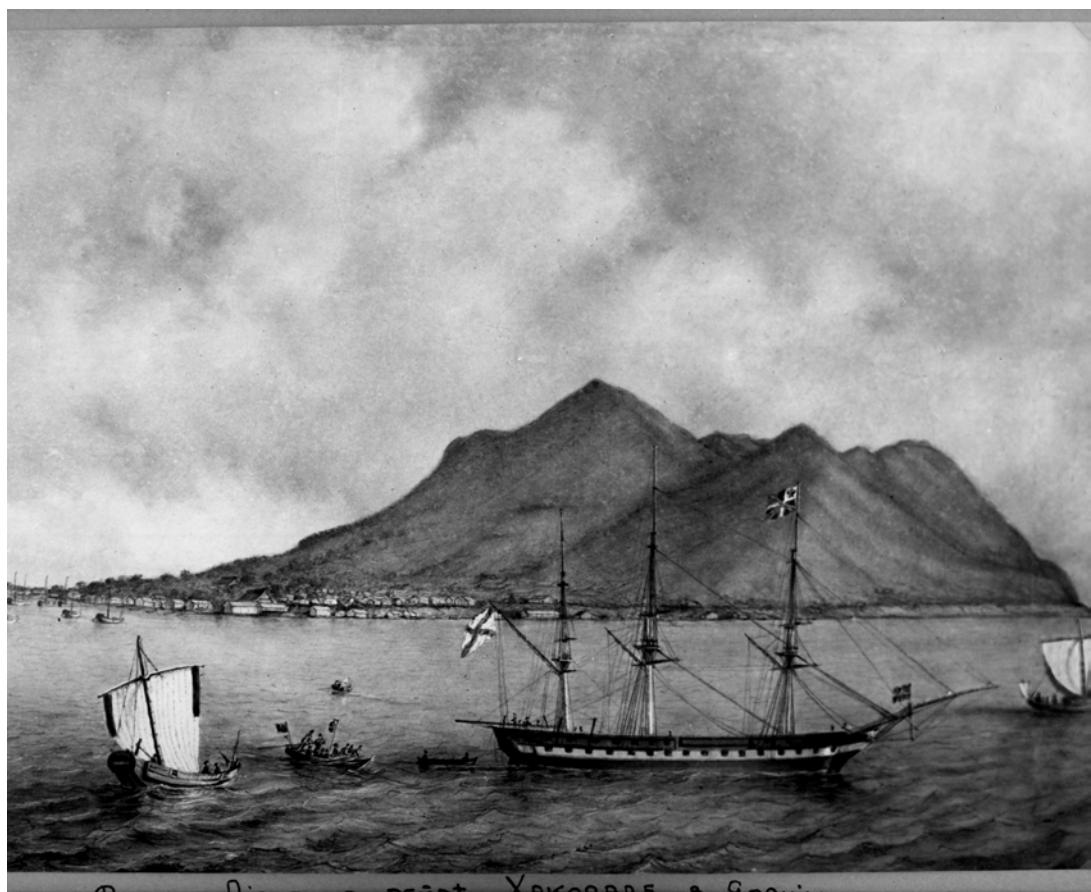
Novikova L. I.

LIBRARIES IN THE VOYAGES

Article talks about the libraries taken on board the ships of Russian round-the-world and distant expeditions, kept in stocks of Central Navy Library (Saint-Petersburg). In 2002 there was found out the ship library of captain Krusenstern's "Nadeshda", the participant of first Russian round-the-world navigation, some books from it circumnavigated twice – with Krusenstern (in 1803-1806) and Kotzebue (in 1815-1818).

The study of ship book collections gives open space for researches in the field of a history, bibliology, geography and ethnography. We can determine the authors, whose books were used as tools in scientific work of Russian navigators. The books for expeditions were completed by efforts of the scientists and seamen, which, proceeding from personal experience, chose the editions most appropriate for their aims, i.e. included exact information useful in far navigation, in a separation from civilization. The ship libraries were called to serve intellectual inquiries of the whole group of the experts in different fields of knowledge. These books carried out function of an information resource.

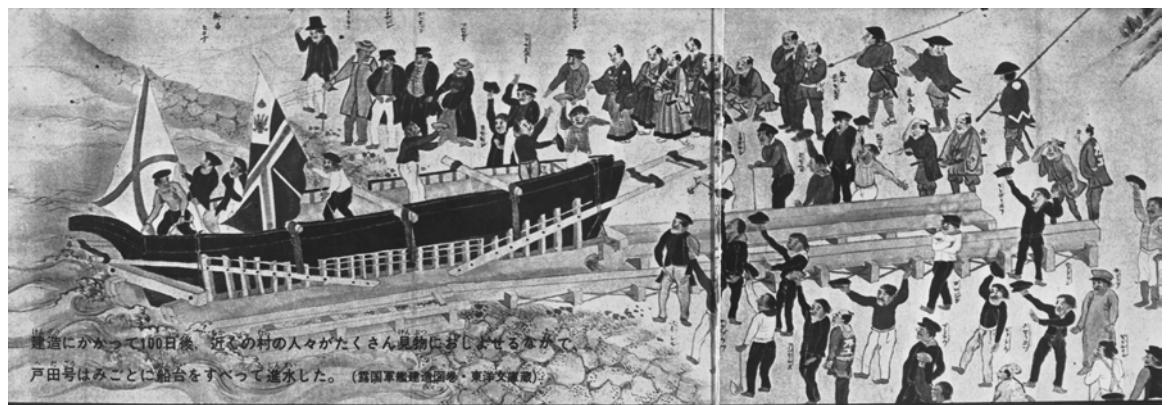
Analyzing ship libraries of the first part of XIX century, we can clearly observe, as the participants of the first Russian expeditions, based only on researches of foreign scientists and voyagers, carried out own researches and created works, which, in turn, became the manuals for the following generations of the Russian seamen.

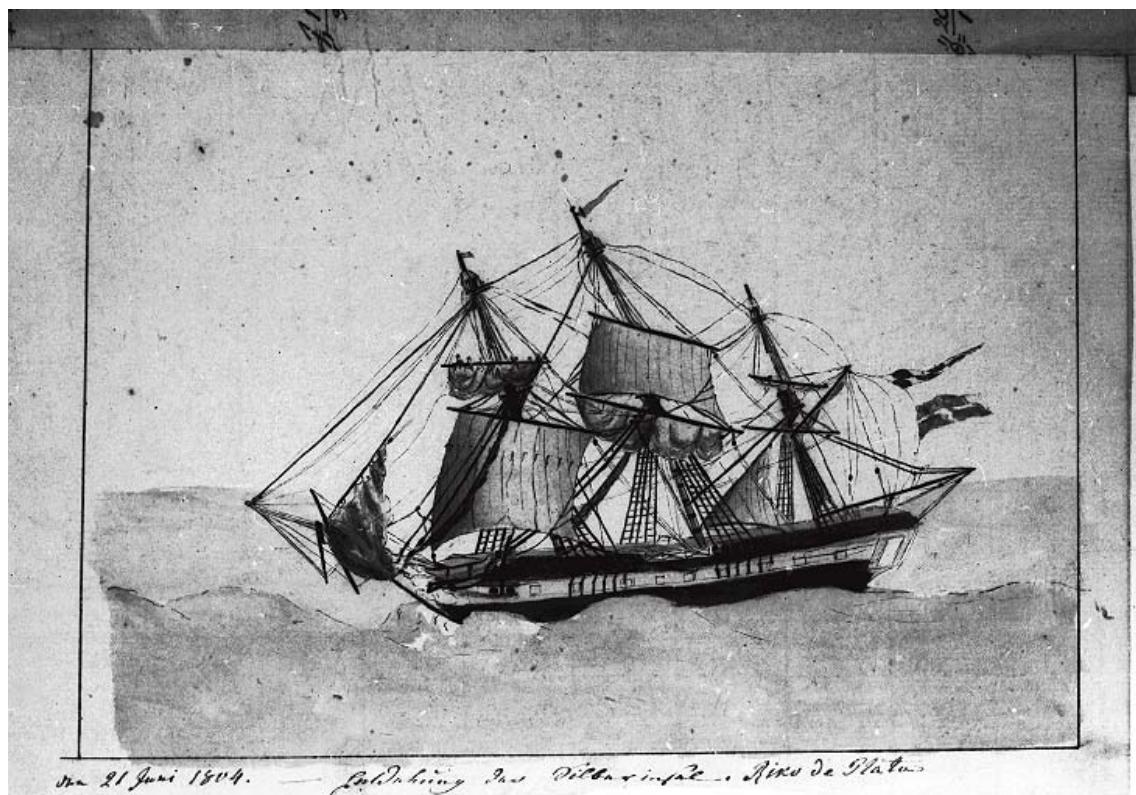
«Диана» в Японии (рис. А. Ф. Можайского)

Землетрясение в Симода (рис. А. Ф. Можайского)

Спуск на воду шхуны «Хэда» (японский рисунок)

Шлюп «Надежда» (рис. Е. Е. Левенштерна)

Мы продолжаем знакомить читателей с историей создания, фондами и сегодняшним днем Военно-исторической библиотеки. (Первая публикация по этой теме – в журнале «На века» № 4, статья Е. К. Смирновой «Одна из старейших военных библиотек»). М. Н. Гербер постаралась отметить вклад многих людей в работу и развитие Библиотеки.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА, ЕЕ СОТРУДНИКИ И ПОМОЩНИКИ

*Маргарита Николаевна Гербер,
заведующая Военно-исторической библиотекой
Генерального Штаба Вооруженных Сил Российской Федерации*

Многие, побывавшие на Дворцовой площади, наверное, обращали внимание на находящийся справа от арки с колесницей купол с развевающимся над ним флагом Российской Федерации. Но не все знают, что этот купол находится над главным залом ротонды Военно-исторической библиотеки Генерального Штаба Вооруженных Сил Российской Федерации. Ее история тесно связана с Генеральным (Главным) Штабом и Ленинградским Военным Округом. Она явилась первой военной специализированной универсальной библиотекой, созданной для систематического образования офицеров Российской армии. Здесь собран уникальный фонд: по истории крымской, русско-турецкой войнам, Отечественной войны 1812 г., Первой мировой войне, русско-японской войне, Второй мировой и Великой Отечественной 1941-1945 гг. войнам по истории военного искусства, истории полков, отдельных родов войск: артиллерии, военно-морского флота, тыла, военно-воздушного флота. Небольшие отделы: о военном духовенстве, военной медицине, военной прокуратуре и судопроизводстве. В Библиотеке также имеется коллекция военных карт, альбомов, уставов, хранятся старые подписки газет «Русский инвалид», «Красная звезда», «Правда», «Военный сборник», журналов «Исторический вестник», «Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений», «Морской сборник», «Разведчик», «Инженерный журнал», ежегодные отчеты Военному Министру, а также рукописные материалы. Библиотека располагает литературой и на иностранных языках – более 16 тыс. томов на немецком, английском, французском, финском, шведском и других языках. Самая ранняя книга на немецком языке 1553 г. «О Руси», с иллюстрациями и картами.

История Библиотеки сохранила немало имен настоящих рыцарей книги. Первым начальником Библиотеки был известный историк, участник Отечественной войны 1812 г., генерал-лейтенант А. И. Михайловский-Данилевский, внесший большой вклад в развитие библиотеки и пополнение ее фонда.

В феврале 1900 г. в Библиотеке возник пожар, во время которого погибло много ценных книг. Далее фонд неоднократно перемещался из одного временного помещения в другое. В таких условиях Библиотека находилась почти семь лет. Однако благодаря энергии уникального человека, более 30 лет проработавшего в Библиотеке и принявшего после пожара на себя заведование библиотекой А. С. Лацинского, она, наперекор обстоятельствам, продолжала функционировать и обслуживать читателей. После Великой Октябрьской Революции библиотеку возглавлял В. Г. Леонтьев. Это благодаря ему многие книги из частных собраний аристократических домов, обреченные на гибель, заняли свое место на библиотечных полках.

Добрый след о себе оставил и преемник В. Г. Леонтьева полковник в отставке Г. Ф. Гошев. Более двух десятилетий возглавлявший работу коллектива Библиотеки Георгий Филиппович был инициатором создания картотеки, которая хранит в своей памяти все материалы, опубликованные в газетах «Красная звезда», «На страже Родины».

В годы Великой Отечественной войны Библиотека разделила судьбу Ленинграда. Несмотря на тяжелые условия, она не прекращала своей работы. Благодаря

самоотверженному труду заведующего библиотекой подполковника Н. Я. Сиротенко, уборщицы П. П. Почтарук, работавших в Библиотеке в трудное блокадное время, Библиотека не только не погибла, но и пополнилась новыми изданиями. Так, в 1941 г. в ее фонд поступило 362 экз. книг, в 1943 – 804 экз., в 1944 – 1104 экз., в 1945 – 509 экз. Регулярно поступали периодические издания: «Красная звезда», «На страже Родины», «Правда» и др., которые хранятся в библиотеке и по сей день.

Несколько раз Библиотека меняла свое название, штаты, являлась филиалом библиотеки Дома офицеров Красной Армии, но прежним оставался ее адрес – здание Главного штаба (с 20 марта 1918 г. – штаба Петроградского (Ленинградского) военного округа). Сохранялось и ее назначение – содействие изучению военной истории России, образованию, повышению профессионального уровня генералов и офицеров, гражданского персонала Штаба, управлений, отделов и служб округа.

Многие труды, диссертации, исследования по военно-исторической тематике написаны с использованием книжных богатств Военно-исторической библиотеки. Сотрудники Библиотеки своей деятельностью способствовали выполнению научных исследований, выполняли работу, направленную на сохранение фондов.

Работа в замечательных традициях Библиотеки продолжалась и в последующие годы. Более двадцати пяти лет в ней трудились А. Ф. Андреева, Л. Я. Паечкина, Г. М. Романюк, Л. И. Валеева, многие другие.

В 1988 г. по решению Министра обороны СССР, маршала Советского Союза Д. Т. Язова были выделены средства для капитального ремонта помещений Библиотеки. Ее закрыли для читателей в связи с возведением строительных лесов, перекрывших доступ к книжным шкафам. Во время ремонта заменены стекла купола круглого зала и укреплены его перекрытия, реставрированы барельефы, потолки, дубовые и ореховые книжные шкафы 1-го и 2-го ярусов. Дальнейшие реставрационные работы приостановлены в связи с отсутствием финансирования этих мероприятий.

С 1995 г. Библиотека носит название Военно-историческая библиотека Генерального Штаба Вооруженных Сил Российской Федерации и состоит в штате штаба Ленинградского военного округа. Сохраняя исторически сложившиеся традиции, она имеет все условия и возможности, чтобы вновь стать центром по изучению военной истории России, с каждым годом растет ее авторитет, и своей работой она доказывает это.

Большая часть дореволюционного фонда поступила в Библиотеку из частных коллекций. Многие офицеры дарили книги из личных библиотек. Традиция дарения, начавшаяся со дня основания в 1811 г., продолжается по сегодняшний день. Наиболее ценные книги по истории, военной теории и стратегии, краеведению и другим актуальным темам подарены Командующим Ленинградским Военным Округом генералом армии В. С. Бобрышевым, начальником Штаба Округа генерал-полковником П. А. Лабутиным, заместителем Командующего Ленинградским Военным Округом генерал-лейтенантом В. И. Сухаревым, а также другими офицерами, прaporщиками и служащими.

Особенно хочется отметить и поблагодарить читателей В. Тарбаеву, И. Столярову, вдову хорошего друга Библиотеки А. Кудашкина и многих других.

Библиотека оказывает активное содействие в подготовке книг, материалов, статей диссертаций по военно-исторической тематике, многие исследования написаны с использованием ее книжных богатств. Впоследствии авторы дарят Библиотеке свои интереснейшие книги, монографии, которые пользуются популярностью у читателей. Среди таких людей, например, генерал-лейтенант В. Черемных, полковник запаса П. Лаврук, доктор педагогических наук В. Котков, полковник С. Порохов, подполковник запаса М. Мусин, Главный редактор историко-культурологического Альманаха «Факты и версии», кандидат педагогических наук В. Курмышев, автор книг И. Черников, капитан 1 ранга Е. Абрамов и многие другие. Библиотека тесно сотрудничает с научно-исследовательским отделом Военной истории, который возглавляет полковник С. Ковалев.

Кроме дореволюционной, Библиотека располагает современной литературой. Это небольшие отделы по искусству, архитектуре, литературоведению, языкоznанию краеведению, географии, технике, политике, философии, экономическим наукам, психологии, логике. Библиотека оказывает помощь офицерам и служащим, продолжающим обучения в Высших учебных заведениях.

Сотрудники Библиотеки проводят ознакомительные экскурсии для зарубежных военных делегаций, прибывающих в Ленинградский Военный Округ, курсантам военных училищ, ученикам средних школ.

За последний год в Библиотеке произошли некоторые позитивные изменения. Отремонтирован купол, приобретены новые настольные лампы.

Благодаря усилиям Начальника штаба Ленинградского Военного округа генерал-полковника П. А. Лабутина заказали и новые стремянки, витражи для книг, новый каталог из ста ящиков. Кроме того, по распоряжению начальника Генерального Штаба Вооруженных Сил Российской Федерации А. В. Квашнина Библиотеке подарены три компьютера, принтеры и аппарат для ксерокопирования.

Но, к сожалению, не все замечательно в Военно-исторической библиотеке ГШ ВС РФ. Плохо с финансированием, низка заработка плата сотрудников. В последние десять лет Библиотека почти не комплектовалась, а за 2004 год не было приобретено ни одной книги. Выручают только дарители. Из-за недостатка финансирования и повышения цен приходится сокращать количество подписных изданий. К сожалению, уволились высококвалифицированные специалисты, в том числе Е. К. Смирнова, проработавшая десять лет, а также Т. В. Ермакова, М. В. Слабнова. Это большая потеря для Библиотеки. Из-за нехватки специалистов более десяти лет не проводилась полная инвентаризация книжного фонда, отсутствует электронный каталог. Но все эти проблемы можно решить. Командование, помощник начальника штаба Ленинградского Военного округа, помощник начальника штаба по воспитательной работе полковник Е. В. Чирков обещали помочь в решении, поставленных задач. Тщательно, внимательно, терпеливо и всегда приветливо выполняют непростые запросы читателей сотрудница абонемента ведущий библиотекарь Г. Р. Тришина. Совсем недолго работают в Библиотеке библиотекари-библиографы Н. Ю. Майорова и В. И. Крачек, но и они проявили себя, скрупулезными, ответственными сотрудниками.

В настоящее время, в канун своего 195-летия, Военно-историческая библиотека при штабе Ленинградского военного округа остается одной из лучших в стране и вполне может, как и ранее, претендовать на роль главной военной библиотеки России.

Сотрудники с оптимизмом продолжают трудиться и любить свою профессию!

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМИИ

*Полина Евгеньевна Руденко,
заведующая Фундаментальной библиотекой
Военно-медицинской академии*

Фундаментальная библиотека Военно-медицинской академии – одна из крупнейших и старейших медицинских библиотек России. Годом её основания считается год основания Академии – 1798. Однако в этом году Медико-Хирургическая Академия получила уже готовую библиотеку, и формирование её своими корнями уходит к середине XVII столетия. Первой медицинской библиотекой принято считать библиотеку Аптекарского приказа, созданного в Москве в 1620 г. Фонд библиотеки, служивший обучению лекарей и аптекарей, состоял из переводов иностранных медицинских книг (например, «Анатомия» Везалия, фармакопея, лечебники, травники и др.).

В 1721 г. Аптекарский приказ переведен в Санкт-Петербург и переименован в Медицинскую Коллегию. В 1756 г. её возглавил лейб-медик Павел Захарович Кондоиди, человек высокообразованный и культурный. В 1754 г. он вошел в Сенат с ходатайством об открытии в Санкт-Петербурге публичной медицинской библиотеки и получил на это разрешение. В 1756 г. первая медицинская библиотека «для лекарей, аптекарей и их гезелей» была открыта. В основу её фонда легла огромная коллекция книг самого П. З. Кондоиди и книги Медицинской Коллегии.

В 1796 г. директором Медицинской Коллегии стал А. И. Васильев. По его инициативе при Адмиралтейском госпитале организовали библиотеку для преподавателей и учеников медико-хирургических училищ. С этой целью из библиотеки Медицинской Коллегии выделили сначала дублеты, а потом и книги, имеющиеся в одном экземпляре, но более необходимые для училищ, чем для Коллегии.

Созданная таким образом библиотека при основании Медико-хирургической академии в 1798 г. была передана ей и послужила той основой, на которой развивалась иросла Фундаментальная библиотека Военно-медицинской академии.

В 1798 г. Библиотека пополнилась медицинской литературой из обширного собрания книг, доставленного в Петербург из Варшавы. А в 1799 г. Павел I приобрел большой архив знаменитого голландского врача и химика Германа Бургаве (1668-1738 гг.), в составе которого находились как рукописи, так и печатные издания. Этот архив сейчас хранится в Фундаментальной библиотеке Военно-медицинской академии. К 1801 г. в Библиотеке насчитывалось 12 611 книг, а в 1806 г. уже 23 000 экземпляров изданий. Первый директор Библиотеки составил систематический каталог фонда, имевший 23 раздела.

Средства, отпускаемые на пополнение Библиотеки, были очень скучны: она пополнялась преимущественно за счёт пожертвований учреждений и отдельных лиц или случайных покупок. Однако, несмотря на ограниченность отпускаемых ассигнований, благодаря широкому участию и заботе о пополнении библиотеки со стороны профессоров Академии, Библиотека накопила богатейший фонд книг и особенно иностранных журналов, выдвинувший её на одно из ведущих мест среди медицинских библиотек мира.

В 1819 г. издается постановление о доставке в Библиотеку обязательного экземпляра каждой медицинской книги, одобренной Академией. Иностранный литературу Библиотека пополнялась через петербургского книготорговца Риккера, который гарантировал аккуратную и своевременную доставку книг в Библиотеку.

В 1868 г. Библиотека Академии имела уже 68 тыс. экземпляров книг и выписывала 150 журналов.

К своему 100-летнему юбилею Библиотека значительно выросла. В 1881 г. количество книг достигло 121 500 томов, она получала иностранные журналы 453 названий. С 1881 по 1897 гг. Библиотекой куплено свыше 30 000 экземпляров томов и

бесплатно получено 14 553 экземпляров. Она представляла собой одно из наиболее полных и блестящих собраний новых, старых и редких изданий по медицине в мире.

В обмен на академические диссертации (а их ежегодно было до 350 экземпляров) Библиотека получала издания ряда заграничных учреждений, например, Смитсоновского института и библиотеки Главного управления генерал-хирурга в Вашингтоне, а также некоторых русских учёных обществ и высших учебных заведений.

По богатству медицинских и естественноисторических изданий Фундаментальная библиотека академии стала одной из крупнейших в мире. В «Военно-медицинском журнале» за 1908 г. сообщалось, что самой богатой библиотекой в то время обладал медицинский факультет в Париже (175 тыс. томов), затем следовала библиотека Военно-медицинской академии в Петербурге (170 тыс. томов).

В Фундаментальной библиотеке много редких, подлинно уникальных изданий. Бережно хранятся инкунабулы, труды Везалия, Гиппократа, Фракасторо, Парацельса, Паре, Гарвея, Левенгука. Библиотека гордится собранием великолепных анатомических атласов Бидлоо, Пирогова и др.

Большой интерес представляет небольшой по объёму рукописный фонд. В нём собраны рукописи многих отечественных и иностранных ученых (Г. Бургава, Н. Бидлоо, Я. В. Виллие, С. П. Боткина, Н. А. Вельяминова, С. П. Фёдорова, Я. А. Чистовича и др.). Библиотека имеет в своих фондах первые медицинские учебники на русском языке, богатую коллекцию диссертаций, в том числе первую диссертацию, защищенную в академии, Саввы Большого. Значительную часть фонда составляют периодические издания. В их числе «Санкт-Петербургские врачебные ведомости» – первый медицинский журнал, издававшийся в 1792 г., «Всеобщий журнал врачебной науки», выходивший с 1811 по 1816 гг., полная коллекция «Военно-исторического журнала» за все годы со дня выпуска его первого номера.

В период революции и гражданской войны Библиотека испытывала значительные трудности в комплектовании своих фондов. Однако к 1927 г. комплектование фонда Библиотеки Академии стабилизировалось и стало значительно возрастать.

С 1928 г. (по 1991) Библиотека получала из книжной палаты обязательный экземпляр медицинской литературы. Ежегодно – до 45 тыс. литературы, по несколько экземпляров всех медицинских отечественных журналов и основные (наиболее значимые) зарубежные журналы по медицине. В настоящее время фонд Библиотеки насчитывает более 1 800 тыс. книг и журналов.

Период перестройки и реформ, к сожалению, пагубным образом отразился на судьбе Фундаментальной библиотеки. В последние годы комплектование фонда снизилось до 17-18 тыс. экземпляров литературы в год, число названий приобретаемой литературы сократилось с 4,5 тыс. в год до 2 тыс. Относительно благополучным можно назвать комплектование фонда учебными изданиями. Что же касается комплектования научной литературой, то оно ведется нерегулярно, по мере выделения скучных средств и, в основном за счёт замены литературы, утерянной читателями. Подписка на отечественные периодические издания производится в одном-двух экземплярах, в результате чего Библиотека не имеет возможности выдавать медицинские журналы (основные источники оперативной информации) читателям на дом, с ними можно работать только в читальном зале.

Иностранную литературу, в том числе и немногочисленные зарубежные журналы, Библиотека получает в последние годы только по линии гуманитарной помощи.

ДЕШИФРОВКА ТАБЛИЧЕК С ОСТРОВА ПАСХИ – ДОСТИЖНИЕ РОССИЙСКОЙ НАУКИ

*Ирина Константиновна Федорова,
ведущий науч. сотр.
МАЭ РАН (Кунсткамера)*

Дешифровка рапануйской письменности, которой я занималась более 40 лет, наконец, мною завершена, даже опубликована, но науке никак не удается поставить точку в этом вопросе рапануистики и преградить мутный и бурный поток публикаций, посвященных «тайным таинственных письмен, которые никто не может прочитать», и попыткам их толкования.

Однако научные труды, вышедшие малыми тиражами, почти никто не читает, а Интернет заполнен «дешевками» ронгоронго С. Р. Фишера (Новая Зеландия), Ж. Ги (Австралия), С. Рябчикова (Краснодар).

Явно несведущие авторы берутся за обсуждение одной из самых трудных научных этнолингвистических проблем – сущности и особенностей дешифровки иероглифического письма ронгоронго с острова Пасхи и делают далеко идущие и совершенно фантастические выводы, основываясь на толковании отдельных знаков, вырванных из контекста.

Открытие дощечек

Маленький остров Пасхи на окраине Восточной Полинезии был открыт в пасхальное воскресенье 1722 г. голландским мореплавателем Якобом Роггеном, первым сообщившим миру об огромных каменных статуях моаи, увенчанных «корзинами». Но только в 1864 г. французский миссионер Эжен Эйро увидел в руках у местных жителей темные доски, покрытые ровными рядами искусно вырезанных значков. В течение многих лет историки несправедливо обвиняли бедного миссионера (поистине подвижника и гуманиста) в том, что он устроил аутодафе из языческих дощечек. Сотни дощечек погибли при пожарах и междуусобных «разборках» вождей, которые Эйро как раз и пытался предотвратить.

Епископ Жоссан (ему подчинялась католическая миссия о. Пасхи) просил миссионеров найти уцелевшие дощечки и тех рапануйцев, которые могут прочесть древнее письмо. В 1870 г. Жоссану на Таити было послано шесть иероглифических дощечек, а рапануец Меторо Тау а Уре, в молодости учившийся читать и писать тексты ронгоронго, попытался прочесть для епископа четыре из них. Хотя записи со слов Меторо (он лишь перечислял объекты, изображенные знаками) и не позволили Жоссану открыть смысл этого уникального письма, тем не менее, «чтения Меторо-Жоссана» (опубликованные немецким ученым Томасом Бартелем) представляют собой важный материал для изучения письма о. Пасхи.

Объяснения Меторо многих знаков не вызывают сомнений: *ика* («рыба»), *манго* («акула»), *хону* («черепаха») и многие другие явно соответствуют изображаемому объекту.

Однако это не означает, что знаки в тексте передают именно те слова, которые во время «чтения текста» произнес Меторо: 1) каждое слово обычно имеет синонимы; 2) некоторым знакам Меторо давал по два, а то и по три различных толкования.

Выдающийся русский ученый, исследователь Новой Гвинеи Н. Н. Миклухо-Маклай, посетивший Жоссана в июле 1871 г. во время стоянки «Витязя» у берегов Таити, получил в подарок от епископа одну из дощечек, которая хранится ныне в МАЭ РАН (Кунсткамера). Вторую дощечку Миклухо-Маклай купил на Мангареве.

Большая санкт-петербургская дощечка новее, чем вторая наша дощечка из узкого изогнутого куска дерева. Французские исследователи К. и М. Орлиак в 2003 г. изучали дощечки под электронным микроскопом и установили их лучшую сохранность по сравнению с зарубежными образцами.

Сейчас в музеях мира сохранилось 25 дощечек, их фрагментов, а также фигурок со знаками. Это отполированные неправильной формы куски дерева торомиро (местный вид акации), на которых острым обсидианом или акульим зубом вырезаны стилизованные растения, рыбы, птицы, человечки.

В течение долгого времени после открытия рапануйских дощечек единого мнения о типе письма ронгоронго, о содержании текстов ученых не было; мало кто из них вообще признавал, что коренные жители острова Пасхи создали именно уникальное, сложное и непонятное письмо, а не просто рисовали рыбок и птичек.

В 1925 г. хранитель Кунсткамеры А. Б. Пиотровский составил небольшой каталог графем, вырезанных на двух дощечках, – всего 227 знаков. В 1939 г. школьник, член кружка в Кунсткамере Борис Кудрявцев одновременно (!) с французским ученым А. Метро, установил параллельность текстов на двух наших дощечках и Большой Чилийской (из Сантьяго-де-Чили). Б. Г. Кудрявцев умер во время войны в 1943 г., а его материалы позднее были опубликованы профессором Д. А. Ольдерогге.

Институт этнографии, 1950-1980-е гг.

Вторая половина ушедшего столетия ознаменовалась в России значительными успехами в изучении ряда неизвестных, а потому и загадочных письменностей – индейцев майя, киданьских текстов, протоиндийского письма.

С середины 1950-х гг. Ленинградская часть Института этнографии АН СССР (ныне МАЭ РАН), куда пришел работать Ю. В. Кнорозов – молодой доктор исторических наук, впоследствии удостоенный за дешифровку письма индейцев майя звания лауреата Государственной премии, на долгие годы стала «декодировальным» центром изучения древних письменностей. (В марте 1955 г. в Москве состоялась блестящая защита Ю. В. Кнорозовым кандидатской диссертации, посвященной письму древних майя. Заседание Ученого совета закончилось настоящим триумфом: 33-летнему ученому была присуждена степень сразу доктора исторических наук.)

Позднее, став организатором и руководителем Группы этнической семиотики Ленинградской части ИЭ АН СССР – настоящей школы и центра дешифровки, Кнорозов, окрыленный успехами своей дешифровки майя, занялся одновременно и изучением письма ронгоронго, – скорее всего, пожалуй, чтобы проверить правильность и универсальность своей теории и методологии дешифровки неизвестных систем письма.

«Соревнуясь» с немецким ученым Т. С. Бартелем, группа сотрудников Института под руководством Ю. В. Кнорозова и Н. А. Бутинова подготовила и сдала в печать коллективный труд, содержащий все необходимые исходные материалы для работы с загадочным письмом о. Пасхи. Это были сведения об открытии дощечек, с указанием их сохранности, времени обнаружения, места хранения и т. п., их фотографии и прорисовка по ним знаков.

Мне, только что принятой в штат Института (ответственной за издательские дела), доверили всего лишь проставить пагинацию и подписи к многочисленным таблицам. Но все было столь необычно и увлекательно, что не принять участие в общей работе, предшествовавшей сдаче в издательство АН СССР, а затем в серьезном изучении дощечек кохаха ронгоронго и этнографии Рапа-Нуи и других островов Полинезии было просто невозможно. Тем более, что, будучи выпускницей французского отделения филфака нашего Университета, я изучала тексты на классической и вульгарной латыни, а также ранние тексты на французском языке.

Не ожидая окончания работы над текстами ронгоронго, Кнорозов вместе с Бутиновым обобщили первые результаты совместного огромного труда в статье «Предварительное сообщение об изучении письменности о. Пасхи» (1).[

Изучая дощечки, они подтвердили, что письмо о. Пасхи подобно ранним стадиям развития других иероглифических систем письма. Правда, в ронгоронго не передаются служебные слова (предлоги, частицы), потому что тексты написаны на «архаическом» рапануйском языке, сильно отличающемся от современного языка рапануи.

Но, к сожалению, опередить Бартеля не удалось, его книга успела выйти в свет прежде, чем Издательство АН СССР приступило к работе над нашим «Корпусом иероглифических текстов острова Пасхи», который так и остался неопубликованным. Но и сам Бартель далее сбора материала в изучении ронгоронго не пошел.

Зато повезло мне: Ю. В. Кнорозов совершенно случайно получил меня в качестве помощницы как единственного нового сотрудника, появившегося в ЛЧИЭ (при «замороженных» в те годы кадрах), где работа по исследованию текстов ронгоронго продолжалась.

У Кнорозова возникла мысль, что последовательность «блоков знаков» (устойчивых сочетаний) в ронгоронго соответствует, вероятно, порядку слов в рапануйских фольклорных текстах. А это, по его мнению, открывало новые пути для дальнейшего изучения текстов и, к тому же, с привлечением вычислительной техники.

В конце 1959 – начале 1960 гг., Ю. В. Кнорозов вел (при моем участии) подготовку необходимых лексико-сintаксических материалов для создания программы обработки текстов ронгоронго на ЭВМ. Как известно, возможности существовавшей в то время громоздкой вычислительной техники (в частности в области чтения и перевода неизвестного письма) сильно преувеличивались в широкой прессе. Ни в то время, ни позднее не было создано ни одной программы, на основе которых вычислительная машина могла бы установить чтение знаков ронгоронго, а тем более дать их перевод.

Первоначально Ю. В. Кнорозов рассчитывал только на частотный анализ, который мог бы выделить несколько самых частых иероглифов, чтобы сопоставить их с самыми частыми лексическими единицами языка. Но машинная обработка не дала вразумительного результата и так и осталась невостребованной.

Затем, по настоянию Ю. В. Кнорозова мне пришлось составлять словари рядов знаков (с учетом повторяющихся начальных или финальных групп): прямой – по 1-му, 2-му, 3-му, 4-му инициальным знакам ряда и обратный – по 4-му, 3-му, 2-му, 1-му финальным знакам (от конца ряда).

Кнорозов упорно настаивал на таком формальном анализе текстов, несмотря на то что реальных результатов для продвижения дешифровки, подобные словари не могли дать, однако впоследствии сопоставление блоков помогло выявить тождество некоторых знаков.

Так где же ключ к чтению ронгоронго?

Кнорозов считал, что на дощечках приводятся разные списки: месяцев, звезд, растений, врагов, данников, жертв, генеалогии и т. д. Лингвистическое подкрепление этой идеи легло на меня.

Мне пришлось «любыми средствами» обосновывать чтения знаков и их сочетаний. Знаки и блоки сопоставлялись с генеалогическими списками, названиями племен и групп населения, списками данников (и их возможными именами), календарными названиями месяцев и лунных суток аборигенов Рапа-Нуи и других островов Полинезии, записанными в середине XIX - первой половине XX вв.

Но если отдельные устойчивые сочетания знаков (блоки) еще как-то удавалось «понять» и «истолковать», то предполагаемые генеалогические списки ни толкованию, ни тем более чтению, не поддавались. Лишь небольшое количество блоков и рядов было как-

то использовано, еще меньшее число их сопровождалось «переводом» – это вызывало недовольство, а часто и гнев Кнорозова, руководителя работы на «рапануйском направлении».

К сожалению, Ю. В. Кнорозов и дальше настойчиво требовал составления «словарей блоков» для сопоставления с ними тематических списков (и прочих групп слов рапануйского языка), а затем, в довершение ко всему, и создания словаря синонимов по всей семье полинезийских языков.

Работа эта была очень непростой, принимая во внимание недостаточное количество у нас, да и за рубежом, словарей и литературы по другим регионам Полинезии и ограниченность словарного материала по самому о. Пасхи. Отнимала она много времени и, как ни странно, раздражала. Чутье исследователя подсказывало, что ключ к разгадке ронгоронго не там, где его пытаются найти Кнорозов, – не в синонимах и не в тематических списках, составленных по ранним словарикам рапануйского языка, а тем более не в современных записях легенд и мифов жителей о. Пасхи.

Зато за статью «Тексты острова Пасхи», опубликованную в «Советской этнографии» в 1983 г., меня наградили ударом кулака по спине (знак высшей похвалы шефа): ведь в статье была сделана попытка установить не только семантику, но и чтение отдельных блоков, якобы передающих некоторые рапануйские термины. Не скоро, к сожалению, а лишь через 12 лет, мне стало ясно, что такой «похвалы» я не была достойна: «ставка» Кнорозова на блоки и их ряды вообще не могла привести к успеху дешифровки. Но тогда интерпретация знаков отнимала много времени и умственных усилий, а ожидаемых нами результатов не давала.

Дешифровка любого неизвестного письма – работа трудная, требующая времени, сил и упорства. Изучение письма начинается с определения типа неизвестного письма, его характерных особенностей, принадлежности тому или иному народу или региону. Затем исследователь переходит к выявлению порядка чтения записи и установлению языка-потомка. Далее нужно установить чтение знаков (всех или хотя бы основной их части), а затем перевести текст (или тексты).

При этом, как убедила меня собственная долгая работа по изучению дощечек ронгоронго, дешифровку неизвестных текстов нужно вести «изнутри», то есть следует исходить из характера и особенностей самой иероглифической записи.

К сожалению, гений дешифровки Ю. В. Кнорозов настаивал, несмотря на очевидные неувязки, на сопоставлении отдельных блоков с лексическими рядами, причем современными (XIX-XX вв.). Одновременно Н. А. Бутинов тоже сопоставлял ряды знаков, но с отрывками из мифов и легенд или даже с наскальными рисунками. Это был, образно говоря, не «ключ» к дешифровке, а перебор «отмычек», в надежде, что какая-нибудь подойдет.

Именно установка Ю. В. Кнорозова, а следом за ним и Н. А. Бутинова, на «рассечение» (иначе не скажешь!) текстов на отрывки, ряды знаков, их блоки, а затем уже на чтение этих отрывков и отдельных знаков и сопоставление их с языковыми материалами, имевшими вроде бы подобную структуру, и задержала на много лет, точнее десятилетия, сплошную дешифровку ронгоронго, выполненную мною (первоначально на примере дощечек из МАЭ). «Механистический» подход к текстам, разбивка их на условные отрывки приводили к неадекватному делению знакового ряда в ронгоронго, а следовательно, кискажению их смысла. Подобной же тактики расчленения на блоки придерживался позднее в 1990-х гг. Р. С. Фишер, увидевший в ронгоронго триады знаков (начинающиеся со знака 076 «фаллос»), передающих устойчивую формулу творения.

Уже в 1981 г. я почувствовала (именно почувствовала каким-то особым чутьем!), что тексты ронгоронго нельзя делить по формальному признаку, разрывать их на блоки или отрывки (а точнее «обрывки»), ориентируясь только на какие-либо повторяющиеся группы знаков. Эта «отмычка» не работала.

Искать новые подходы можно было, только идя против воли Юрия Валентиновича, поэтому я, вернувшись в 1991 г. в свой сектор Австралии и Океании, получила возможность спокойно и без спешки, а главное, в соответствии со своим пониманием задачи, двигаться к разгадке ронгоронго намеченным мною путем.

Получив, наконец, свободу действий, я, прежде всего, отказалась от разбивки текстов (данных на дощечках без всяких цезур!) на какие-либо части, отрывки или ряды знаков, как это делали все мои предшественники и коллеги, включая и самого Ю. В. Кнорозова. Я считаю этот момент ключевым в истории дешифровки ронгоронго, потому что именно отказ от разбивки на искусственно выделенные части, способствовал успеху. Да, чтение и перевод текстов нужно последовательно вести от первого до последнего знака.

Этот путь привел меня как к пониманию ключа к знакам ронгоронго, так и к чтению и переводу всех сохранившихся в мире текстов с о. Пасхи.

А ларчик просто открывался...

Ключ к дешифровке загадочных текстов, и весьма необычный ключ, был найден мною 25 декабря 1994 г., когда я заканчивала статью, посвященную рапануйскому письму.

Записи на деревянных дощечках, как я, наконец, установила, и чтение всех без исключения знаков строится по принципу омонимии. Делая выводы относительно сущности рапануйского письма, Ю. В. Кнорозов не увидел главную особенность текстов: сильно выраженную омонимию – самый удобный принцип записи (впрочем, хорошо отражающий особенности рапануйского языка), на котором, по моему мнению, и строятся все известные тексты ронгоронго. Да, даже такой выдающийся ученый как Ю. В. Кнорозов был уверен в том, что раскрыть секрет дощечек ронгоронго можно, идя по уже «проторенному пути» изучения иероглифики, поэтому он и настаивал на формальном делении текстов на блоки.

Главная трудность, которая подстерегала исследователей ронгоронго в разных странах, как ученых, так и любителей, заключалась в том, что ронгоронго оказалась, образно говоря, иероглификой с «двойным дном», созданной с учетом игры омонимов. Я бы назвала ронгоронго «омографической иероглификой». Как мне удалось установить, большинство знаков ронгоронго передает не тот предмет, который изображен рисунком, а его омоним, обозначающий совершенно иной объект.

Хорошо известно, что во всех древних системах письма использовались омонимы для передачи понятий, которые трудно или даже невозможно передать с помощью рисунка, а также для сокращения общего количества знаков. При дешифровке разных систем письма учитывается обычно случай возможного омонимического способа записи, но в ронгоронго омонимия – это всеобщий преобладающий принцип передачи слов живого языка.

Как только стало ясно, что все тексты строятся по принципу омонимии, они вдруг неожиданно начали читаться один за другим, что и стало одним из критерии правильности дешифровки.

Итак, как показала моя дешифровка, любой знак ронгоронго воспроизводит название не того объекта, который он изображает, а другого, чье название звучит также: например, знаки 700, 710 изображают рыбу (рап. ika), но речь идет не о рыбе, а о растении, которое также называется «ика». Знак, символизирующий небо (рап. rangi) одновременно передает название сахарного тростника (рап. ранги – «сорт сахарного тростника»). Главная трудность с тех пор заключалась в том, чтобы правильно опознать объект, переданный знаками, определить его название и понять, что же еще могло означать данное слово. В наши дни никто не сможет стопроцентно воспроизвести точное фонетическое звучание слов в языке древних текстов, который стоит ближе к

общеполинезийским истокам и использует широкий слой общей протополинезийской лексики. Но для дешифровки важнее не как звучало некогда то или иное слово, а его смысл. Именно семантический анализ текстов ронгоронго позволил выявить порядок слов, установить алгоритм чтения сложных знаков, дать более или менее точный перевод всех текстов, включая и нестандартные (на фигурках), которыми никто из исследователей вообще ранее не занимался.

«Подобранный ключ» позволил мне в кратчайший срок (3 месяца) дешифровать и прочитать тексты, записанные на двух дощечках из МАЭ. Статья превратилась в небольшую, но очень важную для меня книгу, – первую мою книгу по дешифровке, вышедшую из печати уже летом 1995 г. (2), сразу же отмеченную премией Президиума Академии наук и разосланную мною в зарубежные учреждения.

В конце 1998 г. Ученый совет МАЭ, учитывая признание премией и дипломом РАН в 1995 г. результатов проделанной мною дешифровки, утвердил к печати мою следующую монографию, посвященную сплошной дешифровке всех сохранившихся текстов «Говорящие дощечки» с острова Пасхи» (3).

Известие о дешифровке сразу же дошли до Чили (которому принадлежит остров Пасхи) и вызвали отклики в чилийской печати.

Подчеркнем, что сделана эта работа была вручную. Найти в рапануйском языке омонимы, соответствующие звучанию того или иного знака (каждый из них с секретом, а всего в ронгоронго около 800 знаков и их аллографов!) с помощью компьютера невозможно, во всяком случае, при современном их поколении. Пока дешифровка ронгоронго – это дело ума и догадки мыслящего существа – человека-дешифровщика, знающего и чувствующего язык талантливых аборигенов о. Пасхи, создателей этого хитроумного письма.

Дешифровка кохай ронгоронго убедила меня в том, что не может быть абсолютно стандартного подхода к неизученным письменностям разных времен и народов. Поэтому при изучении неизвестного письма и следует избегать проторенных путей, – да, практически, их и не может быть. Ведь все системы письма, особенно древние и давно забытые, отличаются своими секретами, оригинальными находками их создателей в передаче слов языка, на котором они говорили. Недооценка интеллекта и изобретательности предков современных рапануйцев явно помешала Ю. В. Кнорозову найти путь к раскрытию тайны ронгоронго.

А мы просо сеяли, сеяли...

Так зачем же рапануйцы с упорством, достойным маньяка, изощрялись, вырезая на дощечках и предметах материальной культуры, в сущности, одни и те же словосочетания или их варианты, до сих пор волнующие умы ученых, а также любителей всего загадочного?

У разных народов земного шара письменность появляется в период зарождения ранней государственности. Правда, надежных подтверждений тому, что на о. Пасхи были зачатки государственности, пожалуй, нет. Авторитет вождя на Рапа-Нуи был достаточно велик, и он мог вмешиваться в жизнь социума, хотя был скорее сакральной фигурой. Судя же по содержанию дошедших до нас текстов, целью письма было не регламентирование жизни социума, обязанностей членов общества, подчинение одних другим, а фиксация «формулы выживания» всего общества, что было весьма важно в тех экологически трудных условиях жизни.

Письмо ронгоронго фиксировало магико-хозяйственные основы жизни социума: что сажать, что собирать и как восхвалять предков в знак благодарности и с надеждой на будущее, то есть тексты ронгоронго – это весьма архаичные песнопения, считавшиеся главным условием выживания каждого члена общества и существования всего социума в целом.

Древние магические формулы, песнопения, рассказывающие о мифологических культурных героях, предках семьи, клана были направлены на увеличение урожая. Именно поэтому доски со значками рапануйцы бережно хранили в домах, а также в пещерах вместе с изображениями предков и никому не раскрывали секрета своих таинственных знаков.

Хотя ронгоронго изобретено рапануйскими аборигенами, видимо, до сложения настоящей ранней государственности, но тем не менее это письмо: его цель – фиксация главного условия существования социума – магических формул, способствующих плодородию.

Сами песнопения (весьма простые и даже примитивные) восходят, скорее всего, к «мифологическим» временам первобытности, в них действует мифологический предок, от которого зависит рост растений, урожай плодов и благосостояние потомков.

Приведу для примера хотя бы одну строку из текста с дощечки «Р», хранящейся в МАЭ:

001 каи срезал	200 ко (предлог)	009 ранги [сах.тростник] ранги	755 тара [ямс] тара	050 нуи большой
010 нга срезал	005 теа [таро] теа <теа>	037 ира плети,	001 каи срезал	577 (208+069+010) руа токо нга [ямс] руа, собрал срезал

Записывать их на доски стали не позже XV-XVI вв. когда леса на Рапа-Нуи были уничтожены, постройка лодок и рыболовство пришло в упадок, единственным источником пищи стали корнеплоды, а не улов рыбака, и забота о хорошем урожае – единственной гарантией жизни. Организация празднеств и церемоний на острове Пасхи являлась функцией глав больших семей *тангата хонуи* – они и хранили дощечки с записями магических земледельческих формул в своих жилищах (сакральные песнопения и гимны богам сохранялись в памяти жрецов). Перед вскапыванием земли и посадкой корнеплодов островитяне выкрикивали магические заклинания, направленные на охрану посадок и сбор хорошего урожая. Несмотря на междуусобицы и пожары конца XVIII – середины XIX вв., некоторые из коаху ронгоронго дошли до нас, выдержав испытание огнем и временем. Нужно отметить, однако, что большая часть сохранившихся дощечек сравнительно позднего происхождения – это копии древних текстов, сделанные в начале XIX в., так как дерево в условиях сырого климата острова Пасхи не могло сохраняться долго. Письмо просуществовало до середины XIX в., однако известно, что в 1910-е гг., многие рапануйцы еще резали доски, может быть уже не зная смысла знаков, но придавая магическое значение самим доскам с изображениями.

Сплошная дешифровка – это длительный процесс, который ведет исследователь «изнутри», основываясь на характере и особенностях самой знаковой системы и записи отдельных знаков и их комбинаций. Выборочной дешифровки не бывает и быть не может, или сплошная или ее нет.

Я всегда хотела найти объективные критерии достоверности своего труда и сделанного мною перевода текстов, пытаясь расшифровать и нестандартные тексты, сохранившиеся за рубежом. В 1996 г. испанский исследователь Ф. Меллен-Бланко обратился ко всем ученым, занимающимся рапануйским письмом, с просьбой дешифровать или как-то истолковать надпись на обнаруженной им в Мадриде дощечке «Ика». Только мне, как он написал, удалось выполнить дешифровку, чтение и перевод вновь обнаруженного нестандартного текста из Мадрида. Она опубликована Мелленом-Бланко в двух статьях.

Все другие попытки дешифровки ронгоронго (до меня и после) строились и строятся не на данном знаковом материале, а на косвенных фактах – генеалогиях, списках (месяцев, данников, растений, кланов и т. п.). Пока к положительному результату они не привели.

При дешифровке кохай ронгоронго нужно было постоянно иметь в виду факт изменения лексики, фразеологии, самого строя языка которым владели создатели рапануйского письма и ни в коем случае не стараться подменить лексику древнего текста лексикой языка-потомка. Вместе с тем исследователь должен быть готов к тому, что язык создателей письма мог быть забыт частично или даже полностью, а значит, нужно бросить ретроспективный взгляд не только на историю забытого памятника, но и на историю языка.

У дешифровщика любого неизвестного письма, в сущности, один путь к раскрытию смысла непонятной иероглифической записи – проникновение в семантику знаков, в смысл самой записи, самого текста, без помощи «отмычек» в виде наскальных рисунков, мифов, легенд, которые сами по себе очень заманчивы и ценные, но относятся к иному типу фиксации и передачи информации – подменять один другим нельзя, подобные подмены приводят к антенаучным выводам.

Литература

1. Бутинов Н. А., Кнорозов Ю. В. Предварительное сообщение об изучении письменности о. Пасхи // Советская этнография. 1956. № 4. С. 77-91.
2. Федорова И. К. Дощечки кохай ронгоронго из Кунсткамеры. СПб.: МАЭ РАН, 1995. 158 с.
3. Федорова И. К. «Говорящие дощечки» с острова Пасхи. Дешифровка, чтение, перевод. СПб.: МАЭ РАН, 2001. 382 с.

I.K.Fedorova

Decipherment of Easter Island tablets – an achievement of the Russian science

Article talks about the hard long way of the decipherment, reading and translation of Kohau Rongorongo ieroglyphical texts, written on wooden tablets from the Easter Island.

The author, which worked on this problem more than 40 years, have found the “key” to the means of enigmatic signs in the homonymic principle of its writing. As the result were edited her two books, in which the decipherment, reading and translation of all Kohau Rongorongo tablets kept in the Museums all over the world are collected.

The author has found the objective criteria of translation reliability, studying non-standard texts also. The results of Rongorongo decipherment were adopted by Russian Academy of science (1995) and by foreign scientists.

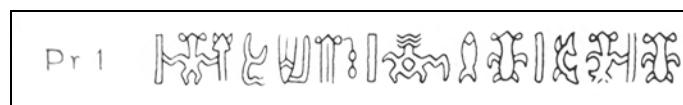
Большая дощечка из Кунсткамеры

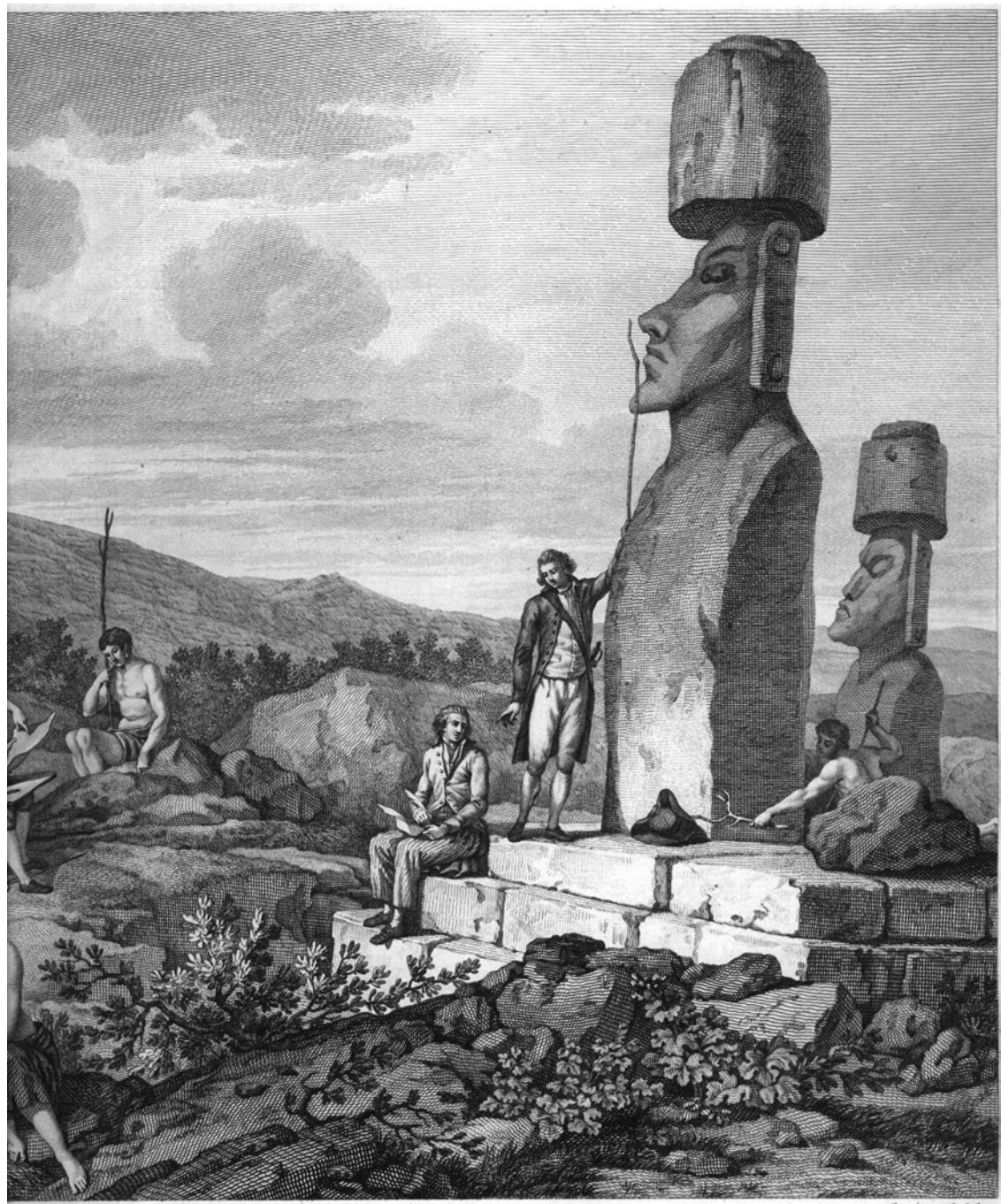
Дерево торомиро

Остров Пасхи

Pr 1

Строка текста

Экспедиция Ж. Ф. Лаперуза на о. Пасхи

БИБЛИОТЕКА СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АКАДЕМИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В ТАВРИЧЕСКОМ ДВОРЦЕ

*Мария Николаевна Быстрова,
заведующая отделом редких книг библиотеки СЗАГС*

Библиотека Северо-Западной академии государственной службы, основной фонд которой расположен в Таврическом дворце, имеет почти вековую историю. Она прошла путь от библиотеки парламентской до библиотеки высшего учебного заведения, но никогда не покидала стен дворца, занимая специально оборудованные для её нужд помещения.

В конце 1905 – начале 1906 гг. в российском обществе широко обсуждались вопросы устройства и функционирования нового учреждения – Государственной Думы. На неё возлагались огромные надежды в деле демократизации государственного строя, и постоянно проводилась мысль о различиях между существующим бюрократическим управлением и новым – представительным. Это касалось и Думы в целом, и ее структурных подразделений, важнейшим из которых должна была стать библиотека. В статье «Библиотека Государственной Думы», напечатанной в газете «Россия» в марте 1906 г., А. Н. Ткачев отмечал: «Бюрократия обходилась без библиотек. Но Государственная Дума, надо надеяться, будет работать не так, как бюрократия, а на широком и прочном основании фактов, всесторонне освещенных. Для этого ей необходимо иметь под рукой многотомную, хорошо устроенную справочную библиотеку, с удобными приспособлениями для занятий в ней днем и ночью»¹.

Местом работы первого российского парламента должен был стать Таврический дворец.

В январе 1906 г. газета «Россия» сообщала, что во дворце «идет тщательный ремонт помещений, предназначенных для председателя Думы, его товарища, секретаря, для министров и их товарищей и пр. и обширное помещение для библиотеки»². Библиотечные шкафы и кресла делались из красного дерева в стиле старой дворцовой мебелировки.

Государственная Дума начала свою работу 27 апреля 1906 г. Масштабность задач, энтузиазм и ответственность заставляли депутатов работать с необычайной интенсивностью. Как вспоминал С. Варшавский: «В 7-8 часов вечера кончались занятия в общих собраниях, а уже в 9 начиналась работа в комиссиях. Депутаты даже расселились неподалеку от Думы, чтобы не тратить время на переходы или переезды. Многие и после закрытия общих собраний не покидали Думы, в ней и завтракали, и обедали и войдя утром в Таврический дворец, покидали его только ночью, часто даже после полуночи. В будни и в праздники до поздней ночи горел огнями старый Таврический дворец, который некогда знал ночные огни только во время роскошных балов и потех»³. Библиотечной комиссии Государственной Думы поручили организовать кабинет для чтения и устроить хранилище книг, отчетов, докладов и т. д. Для скорейшего решения этой задачи комиссия разделилась на два отдела: первый по устройству читальни и второй – по созданию библиотеки. В первую очередь организовали отделы: аграрный, финансовый, по делам местного и земского хозяйств; закупили необходимые справочники; произвели подпись на газеты и журналы, из Сената доставили полное собрание законов Российской империи и несколько экземпляров свода законов.

По смете Государственной Думы кредит на библиотеку составлял 10 тыс. рублей в год. Позже сумма была увеличена до 12 тыс. На эти деньги приобретали русские и иностранные книги, выписывали русские и иностранные периодические издания; около

¹ Россия: газета политическая и литературная. – 1906, № 62. (09.03.)

² Россия: газета политическая и литературная. – 1906, № 10. (13.01.)

³ Варшавский С. Жизнь и труды первой Государственной Думы. – М., 1907. – с. 289

1000 рублей выделили на переплетные работы, 500 рублей на канцелярские, транспортные, почтовые и другие расходы. Библиотечная комиссия договорилась с редакциями газет и журналов о безвозмездной присылке изданий или об обмене их на стенографические отчеты Государственной Думы; обратилась к Министру Внутренних Дел с ходатайством о получении из Главного Управления по делам печати одного экземпляра из поступающих в Управление; обратилась к министрам о присылке в библиотеку ведомственных изданий; вступила в книгообмен с парламентами многих европейских стран. По утвержденному Библиотечной комиссией плану пополнения библиотеки ее фонд состоял из следующих отделов:

- действующее законодательство всех стран и комментарии к нему;
- парламентские труды главнейших европейских и неевропейских государств;
- сочинения, касающиеся общего учения о государстве;
- сочинения, касающиеся общего учения о праве;
- история права русского и иностранного;
- государственное и парламентское право, русское и иностранное;
- административное право;
- уголовное право;
- гражданское право;
- торговое, вексельное и морское право;
- международное право;
- финансовое право;
- политическая экономия;
- торговля и промышленность;
- сельское хозяйство, лесоводство, рыболовство;
- статистика;
- социология;
- церковное право (общие курсы, монография, церковное управление);
- армия и флот;
- история (русская и всеобщая, гражданская и церковная);
- география, антропология, этнография России;
- славянский мир (история, современное положение, политическая жизнь славян).

Энергичные действия Библиотечной комиссии привели к стремительному росту фондов, и три комнаты, отведенные для библиотеки, стали тесны.

Среди помещений дворца, перешедших к тому времени в ведение Думы, подходящего для размещения библиотеки не нашлось. Тогда обратили внимание на дворцовый театр, находившийся в ведении Министерства Императорского двора. Его и решили принести в жертву государственной необходимости.

Небольшой придворный театр перестроен в 1802-1803 гг. архитектором Луиджи Руска из Концертного зала, где в апреле 1791 г. Г. А. Потемкин давал театрализованное представление и торжественный ужин для Екатерины II на празднике в честь взятия крепости Измаил. При перестройке использовали форму античного амфитеатра. Зрительный зал – полуротонда, окруженная колоннадой коринфского ордера. Этот пышный ордер придавал залу особую нарядность и праздничность. Нарядно оформили и перекрытие зала. Все помещение театра огибает значительно выступающий карниз с орнаментальным фризом. Рельефные панно декорировали плоский потолок на высоких падугах. Места для зрителей от сцены и партер от балкона отделяли балюстрады.

По сторонам сцены располагались две пары коринфских колонн. Они служили продолжением колоннады зала и в то же время разграничивали пространство его и сцены. Между колоннами были установлены две статуи аллегорических женских фигур, над которыми помещались медальоны с изображением поэтов.

Камерный, домашний театр вмещал всего 27 зрителей – 16 мест располагалось в партере и 11 на хорах.

В сентябре 1907 г. распорядительная комиссия Государственной Думы подняла вопрос о переустройстве театра в Таврическом дворце для склада поступающих в Государственную Думу печатных изданий. Последовало Высочайшее соизволение на использование театра для нужд Государственной Думы при условии сохранения декоративного вида зрительного зала театра как исторического памятника.

На заседании 11 марта 1908 г. распорядительная комиссия признала возможным использовать помещение Дворцового театра для размещения библиотеки. Особое внимание обратили на то, что в подвальном помещении театра можно устроить архив. Сцена театра должна была стать книгохранилищем, а зрительный зал – читальным.

Архитектор Таврического дворца А. А. Бруни на заседании распорядительной комиссии доложил, что по приблизительному расчету перестройка театра для нужд думской библиотеки обойдется в 59 360 рублей. Архитектору поручили детально проработать смету по перестройке, а инженеру Шведеру представить смету по освещению, отоплению, вентиляции и пожарной сигнализации⁴.

Как это водится, действительная стоимость работ первоначальную смету превысила. На строительные работы было ассигновано 63 828 рублей. На освещение, отопление и вентиляцию – 9 200 рублей. 35 370 рублей израсходовали непосредственно на строительные работы. Разборка театра обошлась в 855 рублей. За заказанные на С.-Петербургском Металлическом заводе металлические конструкции заплатили 15 300 рублей. Полки для книг обошлись почти в 10 000 рублей. Остекление – в 1 315 рублей 26 копеек. Фотограф Булла проводил фотофиксацию интерьеров театра, за что получил 64 рубля. Остальные деньги пошли на покупку цемента, вспомогательные и сверхсметные работы, на вывоз мусора и другие расходы.

К лету 1909 г. работы завершили.

В распоряжение библиотеки было предоставлено трехэтажное металлическое книгохранилище, примыкавшее к нему вплотную книгохранилище меньшей площади и читальный зал с хорами и верхним светом.

Переезд в новые помещения занял неделю и не нарушил нормальной деятельности библиотеки, обслуживание читателей не прекращалось ни на один день. Руководил этой работой исполняющий обязанности заведующего библиотекой Александр Эдуардович Конге.

И сама Дума и её библиотека для России явились учреждениями новыми, поэтому в 1911-1913 гг. библиотекарь Государственной Думы Алексей Михайлович Белов совершил целый ряд ознакомительных поездок по европейским парламентским библиотекам «для изучения постановки в них библиотечного дела». Сравнение выявило несомненные преимущества думской библиотеки: во-первых, читальный зал был совершенно отделен от книгохранилища, что позволяло производить библиотечные работы, не беспокоя читателей; во-вторых, новейшая шведско-американская система книжных шкафов позволяла легче доставать книги с верхних полок, не прибегая к помощи разного рода лестниц; в-третьих, библиотека могла заимствовать отовсюду и применять наиболее совершенные приемы регистрации и каталогизации, создавая удобную для себя комбинацию технических приемов.

Специальные шкафы для библиотечных каталогов приобрели на «Складе шведско-американской конторской мебели».

Библиотека Государственной Думы была открыта для читателей ежедневно с 10 ч утра до 10 ч вечера, по воскресным и праздничным дням и в вакационное время с 10 ч утра до 2 ч дня.

⁴ РГИА, ф. 1278, оп. 3, д. 321, л. 14

За заботами о качестве и количестве фондов библиотеки не забывали и об их сохранности. Правила пользования библиотекой определяли порядок выдачи литературы и ответственность читателей. Если в момент создания библиотеки предполагалось, что она будет доступна только членам Государственной Думы, то уже через несколько лет такое право получили служащие Канцелярии Государственной Думы и учреждений, при ней состоящих, чины Почтово-Телеграфного Отделения при Государственной Думе, служащие СПб Телеграфного Агентства и все лица, которым дано письменное разрешение председателя библиотечной комиссии.

Долее правила устанавливали:

«Члены Государственной Думы, желающие пользоваться книгами из библиотеки Государственной Думы, приглашаются дать подпись в том, что правила пользования книгами им известны, и они не встречают препятствий, в случае утери ими книг, к возмещению их стоимости согласно нижеизложенным правилам».

Представителям ведомств, прибывающим в Государственную Думу для участия в заседаниях комиссий, предоставляется право входа в библиотеку и пользования изданиями, находящимися в ее читальном зале.

Пользование изданиями, признанными библиотечной комиссией справочными или представляющими библиографическую редкость, а также газетами и новыми номерами журналов допускается только в самом помещении библиотеки, и таковые издания на дом никому выдаваемы быть не могут.

Книги и журналы выдаются на дом под расписку получателя на срок не более 15 дней. Журналы текущего полугодия выдаются лишь на 7 дней. По возвращении книги расписка выдается обратно.

По истечении срока пользования, библиотека посыпает члену Государственной Думы, не возвратившему в срок книги, соответствующее напоминание. По истечении семи дней, в случае невозвращения книги, несмотря на напоминание, посыпается вторичное извещение, врученное под расписку, с предупреждением, что о невозвращенных книгах будет доложено в ближайшем заседании библиотечной комиссии.

Библиотечная комиссия по докладу о невозвращенных книгах делает постановление о публиковании фамилии не вернувших книги членов Государственной Думы в справочном листке, а затем сообщает в казначайскую часть о вычете их стоимости из содержания потерявшего, с его на то согласия, причем если из комплекта сочинения будет утрачен или испорчен один том и таковой не может быть приобретен отдельно, то уплачивается библиотеке думы стоимость целого сочинения, а разрозненный комплект отдается утерявшему.

Пользование нелегальной литературой разрешается только членам Государственной Думы в помещении Государственной Думы. Издания этого рода должны быть возвращаемы в библиотеку в тот же день.

При пользовании в читальном зале журналами и газетами, в интересах удобства и легкости пользования ими, предполагается класть их по прочтении не отведенное для них место. Книги же, взятые для прочтения в читальном зале, сдаются библиотекарю.

В читальном зале не допускается курение и нарушение тишины громкими разговорами.

Для доведения библиотечной комиссии всякого рода заявлений членов Государственной Думы таковые вносятся в «книгу заявлений», находящуюся в читальном зале, с указанием времени заявления и за подписью делающего его. Заявление без подписи оставляется без последствий»⁵.

1917 год открыл новую страницу в истории библиотеки Государственной Думы. Таврический дворец стал штабом февральской революции, и здесь разместился Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов: «сначала заняли одну комнату,

⁵ Государственная Дума. Созыв (III). Сессия (4-я): Справочник. 1911 г. (дополнение к «Справочнику» 1910 г.). Вып. 3. – СПб., 1911. – С. 161-163

потом несколько, потом объявили, что все залы (Екатерининский, Полуциркульный, Круглый) находятся исключительно в их распоряжении, потом упразднили буфет, почтовое отделение, взяли всю левую половину здания, дальше заняли канцелярии, кабинет председателя, выселили служащих из квартир и, наконец, в распоряжении Думы оставили только библиотеку и маленькую комнату для распорядительного комитета»⁶. Двоевластие в Таврическом, когда под одной крышей находились и Временное Правительство и Советы, продолжалось до июля. Летом дворец опустел, и только библиотека хранила память о том, что когда-то в этих стенах бурлила жизнь.

Так продолжалось чуть больше года, до тех пор пока в сентябре 1918 г. в Таврическом дворце не открылся Рабоче-крестьянский университет, получивший имя тов. Зиновьева и реорганизованный вскоре в Петроградский Коммунистический им. тов. Зиновьева Университет. При передаче помещений дворца в распоряжение Комвуз, в неприкосновенности оставили только библиотеку бывшей Государственной Думы, квартиру библиотекаря и его помощника и склад думских материалов. В течение нескольких лет библиотека бывшей Государственной Думы находилась в подчинении разных советских ведомств, но продолжала сохранять свои фонды.

В свою очередь Коммунистический университет занял для своей библиотеки бывшую дворцовую церковь, а в читальном зале Думской библиотеки устроил свой читальный и лекционный зал.

Существование двух самостоятельных библиотек в одном помещении было довольно напряженным. Сотрудники библиотеки бывшей Государственной Думы даже получили право на ношение оружия, для защиты библиотечного фонда. Характеризуя вверенную ему библиотеку, бывший старший помощник библиотекаря Государственной Думы, а с 1918 г. заведующий библиотекой Дворца Урицкого (б. Государственной Думы), А. Э. Конге писал: «По содержанию некоторых своих отделов, например, парламентского и иностранных законодательств, библиотека является исключительно ценным и редким книгохранилищем, в то же время включая в себя обильный и разнообразный книжный материал и по длинному ряду других отраслей знания и преимущественно по политике, экономике и общественно-государственным наукам, в высокой степени содержателен также отдел иностранный и периодических изданий»⁷.

А Коммунистический университет, библиотека которого росла очень быстро, обосновывал свои притязания на думское книгохранилище тем, что «библиотека [б. Государственной Думы] находится в состоянии анабиоза, в то время как библиотека Зиновьевского Ун-та является учреждением живым, действенным и обслуживающим большое количество студентов и профессоров»⁸.

Вопрос о помещениях решился в 1925 г. Государственная публичная библиотека, получив в качестве своего филиала библиотеку бывшей Государственной Думы, вывезла большую часть её фонда из дворца. То, что осталось, влилось в фонд библиотеки Коммунистического университета, которая стала единоличной хозяйкой и в читальном зале и в книгохранилищах.

Со временем Комвуз был преобразован в Ленинградскую Высшую партийную школу и продолжил ковать кадры для партийной и советской работы. Библиотека росла, и вновь встал вопрос о размещении фонда. В 1963 г. институт Ленпроект получил задание от ЛВПШ на капитальный ремонт в книгохранилище: «Часть этого книгохранилища располагается на металлических стеллажах, сделанных ещё во времена Государственной Думы. Другая часть – на временных, деревянных полках и стеллажах. Расширение книгохранилища мыслится осуществить не за счет увеличения помещений, которых нет, а за счет устройства в той же части, где находятся деревянные стеллажи, металлических

⁶ Мансырев С.П. Мои воспоминания о Государственной Думе // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. – М., 1991. – С.118-119.

⁷ ЦГАЛИ, ф. 97, оп.1, д.119, л. 97

⁸ ЦГАОР, ф. 2555, оп. 1, д. 713, л.123

трехъярусных стеллажей по типу уже существующих»⁹. Удачное конструкторское решение, найденное в начале XX в., позволило решить сложную проблему размещения больших объемов фонда на ограниченном пространстве.

Перемены в нашей стране в конце 1980-х – начале 1990-х гг. привели к ликвидации Высшей партийной школы и организации на её базе Северо-Западной Академии государственной службы. Библиотека, как одно из её структурных подразделений, участвует в процессе воспитания и образования будущих государственных служащих, а также оказывает информационную поддержку работе комиссий Межпарламентской ассамблеи стран СНГ и принимает активное участие во всех мероприятиях, проводящихся в Таврическом дворце.

---

⁹ ЦГАОР, ф. 2555, оп. 1, д. 713, л.123

МЕЖДУ «ВЧЕРА» И «ЗАВТРА»

*Любовь Иосифовна Буслова,
начальник отдела обеспечения сохранности
Российского государственного архива военно-морского флота*

Российский государственный архив военно-морского флота, входящий в систему федеральных архивов, является одним из старейших в России. Он ведет свое начало от созданного в 172 г. по «изустному» указу Петра I архива Адмиралтейств-коллегии. Документы этого центрального органа управления флотом и послужили основой бесценного документального собрания, хранящегося ныне в РГАВМФ. После упразднения Адмиралтейств-коллегии в 1827 г. дела ее архива вместе с делами подведомственных ей учреждений передали в 3-е отделение вновь образованного Инспекторского департамента Морского министерства – Общий архив, а в 186 г. архив стал самостоятельным ведомственным учреждением – Архивом Морского министерства и стал подчиняться непосредственно управляющему Морским министерством. С этого времени началось в Архиве становление системы хранения документов, близкой к современной. Реорганизация Архива, изменение его статуса, связанное с осмыслиением роли архивных документов как ценнейших источников для изучения истории флота, проходило на фоне активного переустройства многих сторон жизни России, когда усилился интерес общества к отечественной истории, к своим корням. Этот интерес способствовал активизации процесса изучения и флотских архивов. По указу возглавлявшего морское ведомство генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича и при его постоянном внимании с 1860 г. выполнялся систематический сбор архивных материалов для создания документальной истории русского флота. Возглавил эту работу секретарь Морского ученого комитета С. И. Елагин. Несколько ранее, назначая нового начальника Общего архива, Константин Николаевич так выразил свое отношение к архиву: «Я вовсе не считаю место начальника архива Морского министерства инвалидною должностью, на которой можно ничего не делать, а только посматривать на груды старых дел. Я почитаю архив... весьма богатым источником сведений полезных как собственно для флота, так и для разных учреждений морского ведомства, притом источником, который начальник архива с помощниками должен непрестанно разрабатывать и доставлять из него разным местам и лицам полезные сведения». Позднее, когда документами Архива заинтересовалась «Высочайше учрежденная комиссия для собирания и издания собственоручных писем и бумаг Петра I», возглавляя которую академик А. Ф. Бычков, стало ясно, что документы Архива могут представлять собой не только узко ведомственный интерес, но и огромную общеисторическую ценность. Однако состояние архива не соответствовало этой задаче. В какой-то степени это была именно «груда старых дел», в значительной части еще не разобранная. Документы хранились в штабелях, кулях, вязках, тюках в тесных, темных, часто грязных и не отапливаемых помещениях, которые соседствовали с опасными в пожарном отношении производственными мастерскими (например, кузницей), а иногда затапливались во время наводнений.

Процесс поиска, выявления и изучения нужных документов сильно затрудняло отсутствие четкой системы их размещения и хранения, а также плохое физическое состояние многих документов: ветхость, значительные загрязнения. Часть документов находилась в россыпи. Некоторые документы конца XVII в. представляли собой длинные свитки, составленные из сотен документов, склеенных, подчас, в случайном порядке.

Начальник Архива В. Г. Чубинский и другие сотрудники предприняли меры по улучшению хранения дел. Несколько увеличили площади архивных помещений за счет перевода в другое место смежных мастерских. Разобрали и упорядочили большой массив документов. Дела сгруппировали по учреждениям, вложили в папки, на ярлыках которых

обозначали названия учреждений, даты дел и их номера по реестрам и описям. В результате поиск необходимых дел облегчился, на открытых полках появилась некоторая защита документов от пыли. Кроме того, впервые был составлен указатель тех учреждений, чьи документы хранятся в Архиве, с уточнением их дат и места хранения. На базе этой практической работы Чубинский написал и в 1869 г. опубликовал «Историческое обозрение устройства управления морским ведомством в России (1696-1860)» – первый и до 80-х гг. XX в. единственный труд по истории учреждений раннего периода существования флота, в котором указывались даты создания и ликвидации учреждений, их функции и подчиненность. Своего практического значения этот справочник не утратил и сейчас, являясь отправной точкой для архивных поисков, а иногда и для фондирования документов.

Для лучшей организации хранения документов в те же годы осуществлена кропотливая работа по разделению свитков на листы. Затем следовала систематизация, каждый лист наклеили на фальчик, после чего листы сброшюровали. Многие дела получили переплеты, а наиболее ценные документы раннего периода существования флота не только переплели в особые красивые переплеты, но и вложили в специально изготовленные для них ларцы. Эти раритеты выставили для обозрения в специальных шкафах в парадном зале Адмиралтейств-совета.

С 1874 г. проводилась огромная работа по описанию документов Архива. Для этой цели была назначена специальная Комиссия по разбору и описанию дел Архива Морского министерства во главе с тайным советником Ф. Ф. Веселаго. Помимо нескольких флотских офицеров, знакомых с документами архива и являвшихся авторами работ по истории флота, в нее вошли профессор Санкт-Петербургского университета Е. Е. Замысловский и начальник архива В. Г. Чубинский. К работе привлекали по вольному найму и штатных сотрудников Архива. В результате колоссальной, более чем тридцатилетней, работы подготовлен и издан 10-томный справочник – «Описание дел архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия», не потерявший и по сей день своего практического значения для сотрудников РГАВМФ и исследователей, занимающихся изучением документов за этот период. До начала XX в. в Архиве составили и издали описи. Значимость и масштаб этого можно оценивать, лишь приняв во внимание, что в этот период прошло несколько кардинальных реорганизаций структуры управления министерством, и Архиву пришлось принимать и разбирать документы упраздненных учреждений и подразделений флота.

Еще одно интенсивное пополнение архивных фондов произошло после окончания русско-японской войны, а в период Первой мировой войны в 1916 г. даже образован Особый временный отдел при ГМШ для сбора и концентрации документов с театра военных действий. Не остались без внимания архивистов и события весны-осени 1917 г., поставившие задачу безотлагательно собирать документы из всех учреждений, организаций, комитетов флота, его штабов и судовых команд.

С августа 1917 г. Архив стал называться Центральным архивом флота и морского ведомства, а в конце 1917 – начале 1918 гг. подготовлена реформа Архива, предполагающая объединить деятельность архивной, библиотечной и музейной частей флота и морского ведомства, включив их в структуру ГМШ и подчинив начальнику Штаба. Временное положение и штаты Архива Коллегия Наркомата по морским делам утвердила в апреле 1918 г., однако уже 1 июня 1918 г. вышел декрет СНК «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР». С этого времени архив стал государственным и вошел в состав III секции Единого государственного архивного фонда.

В годы революции, гражданской войны и разрухи основная задача архивистов – не только сохранить имеющийся комплекс документов, но и не дать погибнуть документам упраздненных частей, соединений, учреждений, а также деятелей флота, поэтому интенсивное комплектование фондов не прекращалось. Поступавшие в Архив документы, по мере возможности, разбирали, приводили в порядок, учитывали, сшивали. Не хватало

бумаги для письма, материала для обложек, приходилось использовать обложки и бумагу по второму разу и даже совсем неподходящие подручные средства, какие только удавалось заполучить. Документы учреждений и различных частей тех лет создавались на бумаге очень низкого качества, плохими чернилами, да и вели делопроизводство зачастую люди малограмотные и случайные, что породило много проблем для архивистов и современной эпохи. Нельзя не упомянуть и о тех суровых условиях, в которых пришлось жить и работать сотрудникам Архива в эти годы. Даже официальный отчет о деятельности Архива за 1918-1923 гг., включающий раздел «Общие условия жизни и работы сотрудников», невозможно читать без волнения. Те, кто не был призван на фронт, в основном старики и женщины, добирались на службу и обратно пешком из любой части города, поскольку транспорт вообще отсутствовал. И это «при полном истощении от недоедания, когда отделениям Единого Государственного архивного фонда приходилось временами совершенно безнадежно бороться за предоставление служащим хлебной карточки...». Это «стояние их в очередях в столовых за обедом, состоявшим из отвара воблы или селедки,...постоянные заболевания, простуды, сыпной тиф, дизентерия, оспа, холера, воспаление легких, задержки при этом выплаты жалования на 2 месяца... , условия холода в самих архивных помещениях, работа в пальто и перчатках». Однако работа с документами продолжалась, даже задумывали новые справочники к фондам, новые публикации документов.

В 1926 г. часть документов Архива перемещена из здания Главного Адмиралтейства в одно из двух зданий, занимаемых им в настоящее время – здание на ул. Миллионной, которое было спроектировано и построено в конце XIX в. для Архива Государственного Совета. Несколько позднее и другую часть документов Архива перевезли из принадлежащей морскому ведомству Новой Голландии в здание Сената. Сменив несколько названий, с 1941 г. Архив стал называться Центральным государственным архивом Военно-Морского Флота СССР. Среди других центральных архивов он единственный хранил и хранит поныне документы двух исторических эпох одновременно.

С началом Великой Отечественной войны наиболее ценные документы сотрудники Архива вывезли в Оренбург (тогда Чкалов), а оставшиеся в блокадном городе материалы в течение зимы 1941-42 гг. удалось перенести в подвал. Несмотря на голод, холод, истощение, болезни, сотрудники Архива не прекращали работы, в том числе по приему документов от действующих частей и кораблей Балтийского флота. В целом удалось не только сохранить, но и пополнить фонды документами за довоенный период. Однако в результате блокады и эвакуации несколько тысяч дел было повреждено. После окончания войны и возвращения дел из эвакуации проведена огромная работа по их приведению в порядок, учету, обессыпливанию, картонированию, размещению. Выявлялись дела, пораженные насекомыми и микроорганизмами, дела, требующие реставрации. Реставрацию и дезинфекцию документов выполняли на материально-технической базе существовавших в городе мастерских и лабораторий. В целом эту задачу выполнили к 1957 г. С 1953 г. в Архиве концентрировались принятые на государственное хранение из архивов флотов и флотилий документы советского периода по 1940 г., в связи с чем вскоре остро встал вопрос о размещении фондов, поэтому Архив получил хранилище в здании Главного Штаба на Дворцовой площади, куда и переместили архивные фонды из здания Сената.

Отдел обеспечения сохранности документов РГАВМФ призван решать исключительно важную задачу сохранения сложившегося за почти трехвековую историю Архива комплекса документов, насчитывающего более 1 млн. 200 тыс. единиц хранения. Значение и ценность этого комплекса трудно переоценить. Ведь несмотря на название Архива, состав и содержание документов далеко выходят за его отраслевые рамки. Помимо управленческой документации по истории формирования и развития русского флота, Архив хранит богатейшие материалы по истории государственности России, ее

науки и культуры, по экономике и географии страны. Здесь находятся документы, касающиеся быта и истории отдельных народов и регионов, связей с зарубежными странами, географических и научных открытий, развития техники, участия в войнах и боевых действиях судов флота. Отдельного внимания заслуживают коллекции строительных чертежей и градостроительных планов городов и портов России, которые самым активным образом использовались для послевоенного восстановления разрушенных городов и сооружений, а сейчас применяются для исторической реконструкции и реставрации памятников истории и культуры. Многие чертежи, акварели, гравюры, созданные прославленными архитекторами, такими как Трезини, Камерон, Леблон, Земцов, Фельтен, Захаров, Баженов и т. д., и сами являются не только памятниками культуры, но и произведениями искусства, достойными того, чтобы храниться в музеях. В отличие от объектов музейного хранения, находясь в фондах Архива и имея скорее информационную значимость, многие неоднократно выдавались для использования в научных и практических целях и копировались, поэтому их физическая сохранность требует повышенного внимания.

Кроме того, в РГАВМФ хранится более 90 фондов личного происхождения – деятелей отечественного флота и даже морских династий: Грейгов, Крузенштернов, Бутаковых и др. Такие фонды содержат помимо писем, дневниковых записей, фотографий и фотоальбомов разнообразные коллекционные материалы, причем не только на бумаге, но и на других материалах. Это стекло, дерево, кожа разных видов, пергамен, сургуч, воск, ткани и т. д.

Значителен и огромен массив научно-технической документации – проектно-конструкторские разработки, фиксационные и рабочие чертежи на бумаге, кальке, ватмане, «синьке».

Как видим, комплекс документов Архива за столь огромный период (с конца XVII в. до 1940-х г.), крайне неоднородный и по содержанию, и по материалу носителя, и по способу нанесения текста, а также по материалу и способу переплета, невероятно сложен для решения проблем сохранности документов, непростых для любого архива. Такое разнообразие требует дифференцированного подхода и к организации хранения, и к организации консервационных работ. Зная происхождение комплекса документов, условия их хранения до поступления в архив и в архиве, можно понять причину их неудовлетворительного физического состояния и определить принятие необходимых мер. В частности, не приходится удивляться тому, что в документах, созданных в 1917-1921 гг., в эпоху жесточайшего дефицита бумаги, чернил и кондиционной ленты для пишущей машинки, выявляется большое количество затухающих или слабоконтрастных текстов, требующих закрепления. Очевидно также, что документы разных эпох нуждаются в различных условиях хранения. Однако практическое осуществление этой задачи затруднено отсутствием материальных и технических средств, недостаточным финансированием.

С 1960 г. в Архиве идет работа по улучшению состояния отдельных, наиболее значимых документов, осваиваются новые направления и подходы. Для консервации документов Архив своей технической базы не имеет, поэтому обращается за помощью в Лабораторию реставрации и консервации документов другого федерального архива – РГИА. С 1997 г. объемы работ существенно сократились и не соответствуют реальной потребности. Поэтому РГАВМФ с радостью принял участие в подпрограмме «Архивы России 2001-2005 гг.» федеральной целевой программы «Культура России». Выделяемые ежегодно суммы позволили во много раз увеличить объемы работ и провести технологически сложную реставрацию уникальных графических материалов на бумажных носителях, требующую привлечения высококвалифицированных специалистов других организаций. По государственному контракту реставрационные работы осуществлялись Мастерской реставрации произведений графики, рукописей и старопечатных книг «Филигрань», обеспечившей высокий уровень реставрации. Всего реставрировано более

50 уникальных документов, в том числе «Табель о рангах», подписанный Петром I, планы Санкт-Петербурга петровского времени, чертеж 100-пушечного корабля «Петр I и II» 1719 г., План С.-Петербургской крепости, подписанный Минихом и утвержденный императрицей Анной Иоанновной, карты и планы окрестностей С.-Петербурга начала XVIII в. и многое другое.

В настоящее время РГАВМФ (это название Архив носит с 1992 г.) располагается в зданиях, которые в XIX в. специально проектировались и строились как архивохранилища. Это комплекс зданий на Миллионной ул., 36, первоначально предназначавшийся под архив Государственного Совета, и огромное зальное помещение в одном из зданий, входивших в комплекс зданий Главного Штаба, проектировавшийся под архив Инспекторского департамента военного ведомства. Однако на данный момент ни в одном из них параметры температуры и влажности не соответствуют нормативным, а регулировать их практически невозможно.

С целью улучшения условий хранения и увеличения вместимости хранилищ во второй половине 70-х гг. XX в. начато строительство нового здания архива, растянувшееся на много лет, а в конце 80-х стройка и вовсе была заморожена. Когда 5 лет назад строительство возобновилась, уже установленное стеллажное оборудование пришлось демонтировать и, по сути, заново спроектировать все системы жизнеобеспечения здания. Задача непростая, так как 22-этажное здание само по себе уникально. Хотя резкая смена температурно-влажностного режима хранения документов может привести к негативным последствиям, сотрудники Архива все же надеются, что предстоящее перемещение фондов в новое здание значительно улучшит условия хранения.

В последнее десятилетие XX в. в РГАВМФ многократно активизировалось использование документов, значительно возросло их копирование с применением копировально-множительной техники. При этом документы подвергаются мощному световому излучению, оказывающему разрушительное воздействие на носитель и текст. Преодолеть противоречие между интересами использования документов и необходимостью их сохранить для будущих поколений – насущная задача для архивистов.

Вызывает беспокойство и снижение статуса Росархива, которому, как и все федеральные архивы, подчинен наш Архив. Вряд ли ликвидация самостоятельной Федеральной архивной службы, включение ее в состав Министерства культуры в качестве агентства приведет к укреплению материально-технической базы архивов, дополнительному финансированию отраслевых программ, укреплению отрасли кадрами. А без этого невозможно ни удовлетворить возросшие потребности общества в документной информации, ни сохранить в полном объеме исторические документы – свидетельства прошедших эпох.

В настоящее время важнейшей и очень сложной задачей отдела обеспечения сохранности документов РГАВМФ является их подготовка к перемещению в новое здание, так как именно с окончанием строительства и предстоящим переездом в новое здание связаны наши надежды на коренное улучшение условий хранения всего комплекса документов РГАВМФ, позволяющих продлить «жизнь» документам. Надо помнить, что сегодняшний день – мостик между «вчера» и «завтра».

**ВНЕДРЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО КОМПЛЕКСА «КАИСА-АРХИВ» –
РАСШИРЕНИЕ ДОСТУПА К КОЛЛЕКЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
АРХИВА КИНОФОТОДОКУМЕНТОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

*Александра Александровна Головина,
директор ЦГАКФФД СПб;
Елена Феликсовна Любомирова,
заведующая отделом ИПС, ААТ
и использования фотодокументов ЦГАКФФД СПб*

С августа 2000 г. ЦГАКФФД Санкт-Петербурга и фирма ОАО «Альт-Софт. Информационные и коммуникационные технологии» при финансировании Фонда Форда начали реализацию проекта по комплексной информатизации архива. На момент начала инвестирования нашего проекта Фондом Форда значительное количество фотодокументов требовало консервационной профилактической обработки и создания страховых копий. При этом, учитывая низкое качество используемых тогда фотоматериалов и фотооборудования, можно сказать, что мы стояли перед опасностью необратимого исчезновения ценного пласта исторической памяти, исторических источников. Следовало принять неотложные меры по обеспечению сохранности подлинников и, соответственно, визуальной исторической информации.

Проект комплексной автоматизированной информационной системы «КАИСА-АРХИВ», разработанный ОАО «Альт-Софт» при консультативной помощи специалистов Архива, предусматривает системный подход к сохранению подлинников фотодокументов Архива и созданию многофункциональной системы для расширения доступа к малоизученным источникам ЦГАКФФД.

В качестве главного направления определилось создание современной компьютерной базы данных Архива, включающей в себя полные структурированные описания и оцифрованные изображения фотодокументов. Система должна обеспечивать быстрый поиск и выборки данных о фотодокументах по различным атрибутам и их сочетаниям, обеспечивать существующий в Архиве документооборот и помогать решению широкого круга задач по сохранению и использованию фотодокументов.

Профессионализм сотрудников в архивной сфере и приобретенные знания в области информационных технологий позволили Архиву (в целом успешно) вести работы по достижению главной цели проекта – расширению доступа к уникальным фотодокументам и сохранению подлинников.

На сегодняшний день база данных содержит описания и изображения более 25 тыс. фотодокументов.

В 2001 г. фирма ОАО «Альт-Софт» разработала и представила в Интернет сайт архива ЦГАКФФД СПб и обновляемый электронный каталог, являющийся интернет-представлением базы данных фотодокументов архива. Его адрес: <http://www.photoarchive.spb.ru>

Наличие информации об уникальных документах архива в удаленном доступе привлекает как специалистов, так и частных лиц, интересующихся историей, архитектурой, генеалогией, фотографией. Фотодокументы нашего Архива очень востребованы (особенно это проявилось в 2002-2003 гг. в связи с подготовкой и проведением празднования 300-летия Санкт-Петербурга). Активными потребителями ретроспективной визуальной информации являются представители государственных и частных предприятий; реставраторы, работники издательств, теле- и киностудий, сотрудники музеев, журналисты.

Электронный каталог составляет основной ресурс представительства Архива в Интернет. Новые информационные технологии определили и новый подход к традиционным формам использования фотодокументов, например таким, как выставки.

Специалисты фирмы «Альт-Софт» разработали модуль электронной тематической выставки, что позволило сотрудникам Архива самостоятельно пополнять определенный раздел сайта.

В настоящее время в Интернете представлено 12 выставок: «Город и время», «Матильда Кшесинская», «Парки Петербурга-Ленинграда», «Город и вода», «Посольский Петербург», «Великий город – Петру Великому», «Невский проспект. Прогулка во времени и пространстве», «Саровский чудотворец», «Два века кабинета», «Забытые образы. Петербургу посвящается», а также специализированный раздел «Принято на государственное хранение».

Мы сочли необходимым познакомить посетителей нашего сайта с фотодокументами, вновь принятymi в архив в I квартале 2004 г. Эти документы, созданные в 1950-1990-х гг., пополнили различные разделы каталога: промышленность, транспорт, культурная жизнь города. События, люди, характерные приметы недавнего прошлого, уже ставшего Историей, – вот что содержится в фотодокументах, принятых на государственное, вечное хранение.

Наряду с выставками существует еще один канал пополнения базы данных и информационной поддержки сайта – оперативное обновление иллюстрированной ленты новостей. Наши новости – это не просто цифры и факты – это фотоновости.

С помощью специализированного программного модуля, разработанного ОАО «Альт-Софт», сотрудники Архива самостоятельно вносят в раздел новостей оперативную информацию:

- о событиях архивной жизни;
- о публикациях архивных документов в книгах и фотоальбомах;
- об экспонировании документов Архива на городских, российских и международных выставках;
- о еженедельных публикациях в газете «Санкт-Петербургские ведомости».

Структура иллюстрированной ленты новостей позволяет помещать в одном блоке неограниченное количество изображений и описаний к ним. Однако, руководствуясь здравым смыслом и возможностями восприятия, мы ограничиваем это количество 10-12 изображениями.

Лента содержит механизм архивации, и посетителю сайта доступны публикации за все предыдущие периоды ее ведения. В свое время в новостях были представлены фотоальбомы «Спорт наших дедов», «Неизвестная блокада...», «Ленинградская область – транзит в будущее», «Медицина – культура – милосердие», «У истоков российского парламентаризма», созданные на базе документов Архива.

Внедрение новых технологий и современной техники помогли Архиву осуществить значительное продвижение в решении проблем информатизации архивного дела. Это повлияло и на перераспределение функций сотрудников. На базе отдела использования создан отдел информационно-поисковых систем, автоматизированных архивных технологий и использования фотодокументов.

Расширяется круг наших пользователей, в том числе и через поступающие по электронной почте Архива тематические запросы об использовании наших материалов в некоммерческих интернет-проектах (например, сайт о жизни и творчестве В. М. Бехтерева, портал «Глаза и уши Петербурга»).

Развитие новых технологий существенно расширяет профессиональные контакты. Выступления сотрудников Архива заказывают организаторы наиболее авторитетных федеральных и международных конференций, посвященных информатизации в сфере культуры.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕАТР ЮНЫХ ЗРИТЕЛЕЙ
ИМЕНИ А. А. БРЯНЦЕВА И МУЗЕЙ ПРИ ТЕАТРЕ

*Зинаида Владимировна Гуляева,
заместитель директора ТЮЗа
по творческой и педагогической деятельности*

Санкт-Петербургский государственный Театр юных зрителей (ТЮЗ) – старейший детский театр России. Он основан в Петрограде в 1922 г. Александром Александровичем Брянцевым – режиссером, актером и педагогом. Вместе с ним театр создавала целая плеяда талантливых людей. Это педагоги – профессор Н. Н. Бахтин, П. П. Горлов, Е. Н. Пашкова-Горлова, художник В. И. Бейер, композиторы – П. А. Петров-Бояринов (ученик Н. А. Римского-Корсакова) и Н. М. Стрельников. С 1922 по 1924 гг. заведующим литературной частью театра был известный поэт и драматург С. Я. Маршак.

Первое помещение театра – здание бывшего Тенишевского училища на Моховой улице, 35 (ныне в этом здании размещается Академия театрального искусства им. Н. К. Черкасова). Здесь в 1922 г. состоялась премьера ТЮЗа – легендарный спектакль «Конек-Горбунок» (режиссер А. Брянцев, художники В. Бейер и Э. Якобсон), и поныне бережно сохраняемый в репертуаре театра.

А. А. Брянцев руководил театром с момента его основания до своей смерти в 1961 г.

В 1962 г. театр переехал в новое здание на Пионерской площади.

С 1962 по 1986 гг. главным режиссером ТЮЗа являлся Зиновий Яковлевич Корогодский, профессор, народный артист РСФСР.

В апреле 1980 театру присвоено имя основателя – А. А. Брянцева.

С Ленинградским ТЮЗом связаны имена известнейших актеров, режиссеров, писателей и драматургов. Здесь впервые были поставлены спектакли по произведениям С. Маршака, В. Катаева, Е. Шварца, К. Паустовского, М. Роцина, Б. Окуджавы, Р. Погодина, В. Тендрякова и др.

На этой сцене играли такие выдающиеся актеры как Николай Черкасов, Бруно Фрейндлих, Борис Чирков, Виталий Полицеймако.

Здесь сформировались творческие индивидуальности многих блестящих мастеров петербургской и московской сцен – Георгия Тараторкина, Юрия Каморного, Ольги Волковой, Антонины Шурановой, Александра Хочинского. В ТЮЗе ставили спектакли такие известнейшие режиссеры как Борис Зон, Леонид Макарьев, Павел Вейсбрем, Лев Додин.

Постановки З. Я. Корогодского вошли в историю отечественного театра. «Эпоха Корогодского» продолжалась более двадцати лет, которые по праву можно считать расцветом ТЮЗа.

С 2002 г. художественным руководителем театра является лауреат государственной премии России Григорий Михайлович Козлов.

Санкт-Петербургский ТЮЗ был, есть и всегда будет театром юных зрителей, театром, который всегда помнит, что будущее страны – это ее дети. Они приходят к нам, и вместе с героями наших спектаклей учатся думать и чувствовать, познавать всю сложность и многогранность окружающего мира.

Каждая новая работа театра – шаг в освоении замечательного, а главное, благодарного пространства, именуемого душой ребенка.

С 1996 г. в ТЮЗе открыта Малая сцена, на которой идут спектакли для детей и для взрослой аудитории. Малая сцена – одновременно и экспериментальная площадка для начинающих режиссеров, и возможность увидеть крупным планом работы известных артистов, которые в камерном пространстве Малой сцены раскрываются в новом, порой неожиданном, ракурсе.

В настоящее время в репертуаре большой и малой сцен театра около 30 спектаклей, адресованных зрителям разного возраста.

Самые яркие работы ТЮЗа неоднократно отмечались российскими и международными наградами. Среди спектаклей последнего десятилетия «Преступление и наказание» (режиссер Г. М. Козлов), «Старосветские помещики» (режиссер Г. Л. Васильев), «Любовь к одному апельсину» (режиссер Д. А. Масленников), «Бекканко-Они» (режиссер Х. Хоригучи), «Поллианна» (режиссер И. Г. Селин), «Леший» (режиссеры Г. М. Козлов, И. В. Латышев), «Рождество 1942» (режиссер И. В. Латышев), «Бешеные деньги» (режиссер А. С. Кузин), «Очень простая история» (режиссер Г. И. Бызгу).

В театре существует Музей, в котором бережно сохраняются материалы по истории постановок. Музей основан в 1933 г. Основатель Музея – актер ТЮЗа Алексей Абрамович Нарский (1882-1960). К сожалению, часть материалов утрачена при переезде ТЮЗа с Моховой улицы на Пионерскую площадь.

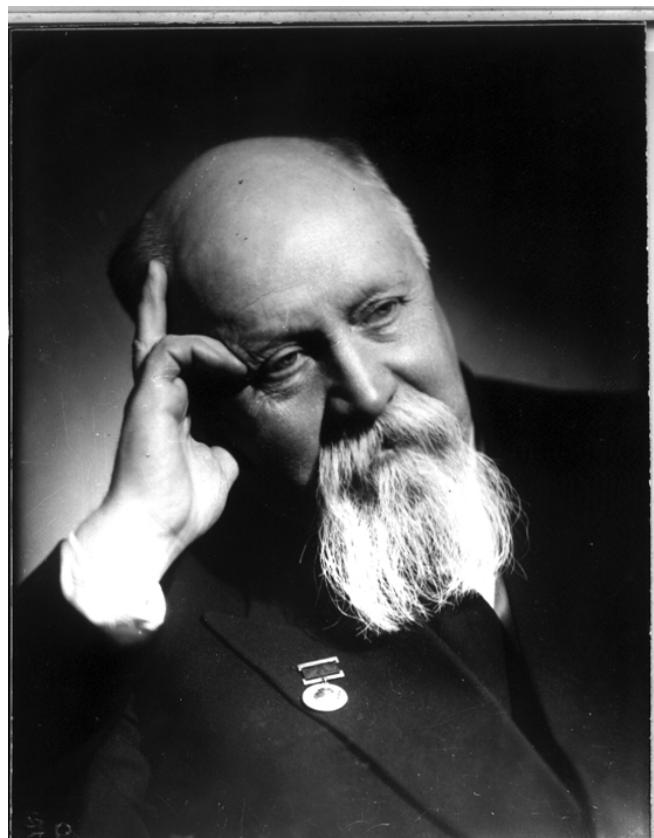
На первый взгляд, Музей ТЮЗа – небольшой. Он занимает всего одно помещение. Но! Здесь сохраняются подлинные эскизы декораций и костюмов к первому спектаклю театра, относящиеся к 1922 г. Каждому спектаклю театра посвящена папка, в которую собраны эскизы костюмов и декораций к спектаклю. В отдельном конверте сохраняются фотографии сцен из спектакля, портретные фотографии персонажей спектакля. Еще одна папка хранит программки, афиши и иную рекламную продукцию по спектаклю.

Например, по спектаклю «Конек-горбунок» имеются не только подлинники рисунков первого главного художника театра Бейера, но и фотографии, датированные 1922 г., программки и рецензии на спектакль, появившиеся в прессе в тот период. Сотрудники Музея старались собрать максимум материалов и информации по каждому спектаклю, выходившему в театре. Практически по каждому спектаклю (редкое исключение пришлось на годы войны и эвакуации) на протяжении всей истории театра имеются материалы, дающие представление о спектакле (программки, статьи театральных критиков, выступления в прессе руководителей театра, фотографии, эскизы костюмов и (или) декораций, в ряде случаев – макеты декораций, которые удалось сохранить до настоящего времени). В музейном помещении сохраняются пьесы, по которым были поставлены в разное время спектакли театра. Удалось сохранить часть книг, которые принадлежали А. А. Брянцеву.

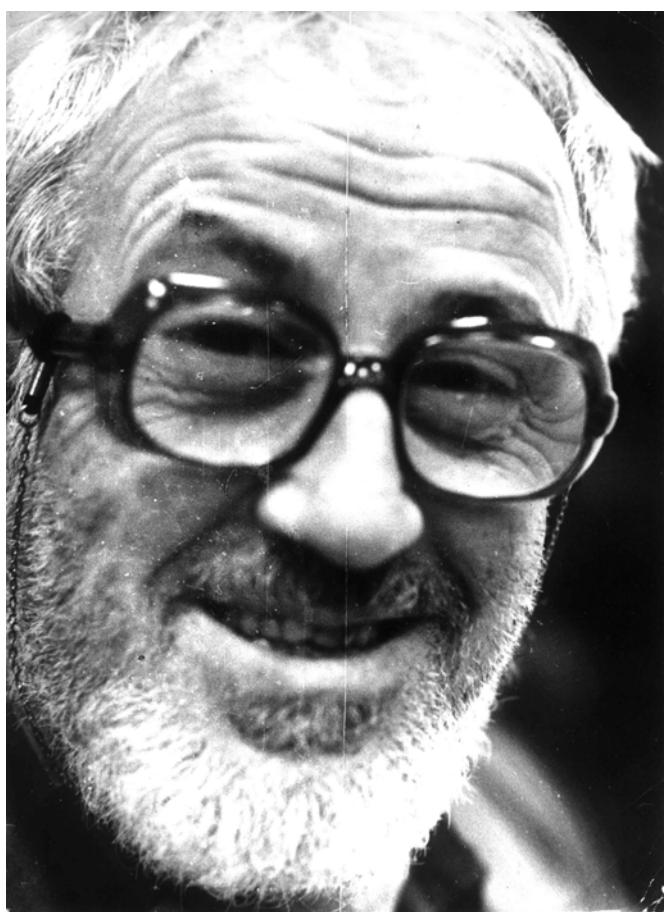
С особым трепетом театр относится к материалам, отображающим сложный период военной поры – время эвакуации ТЮЗа в г. Березники.

К сожалению, коллекция «до 1970-х гг.» является более полной, чем современная. Дело в том, что художники, являясь авторами костюмов и декораций, используют свое право не оставлять рисунки в театре. Театр, в свою очередь, не имеет финансовых возможностей выкупать у художников эскизы к своим спектаклям.

В настоящее время определенную сложность представляет содержание ценных, на наш взгляд, исторических материалов в необходимом температурно-влажностном режиме и их пополнение (из-за отсутствия средств). Помещение Музея закрыто для широкого круга посетителей. Материалы Музея используются при организации выставок, посвященных истории театра, юбилеям и т. д. Эти экспозиции размещаются как в зрительской части театра, так и в закулисье. Посетить Музей и ознакомиться с его материалами возможно только после предварительной договоренности с руководством театра. Для студентов гуманитарных факультетов ВУЗов, педагогических училищ, старшеклассников школ города организуются экскурсии по театру с посещением Музея театра.

А. А. Брянцев

З. Я. Корогодский

Сцена из спектакля «Конёк-Горбунок», программка

В МУЗЕЕ СНОВИДЕНИЙ

*Вера Михайловна Якимова,
куратор Музея сновидений Зигмунда Фрейда*

Музей Сновидений Зигмунда Фрейда был открыт 4 ноября 1999 года к столетию выхода в свет книги Зигмунда Фрейда «Толкование сновидений».

Экспозиция Музея расположена в двух залах, в общем представляющих панораму сновидческой деятельности бессознательного и ряда эпизодов жизни и деятельности З. Фрейда. Витрины, справочные тексты, разнообразные художественные и фотографические иллюстрации, световые боксы и проекционные экраны погружают посетителей в таинственный мир сновидений, посредством которых раскрываются некоторые загадки бессознательного, содержание ряда психоаналитических идей и интригующие моменты истории психоанализа. Уникальная экспозиция Музея рассчитана преимущественно на специалистов и лиц, интересующихся историей, содержанием и судьбой классического и современного психоанализа.

В коллекции Музея Сновидений Фрейда практически нет объектов, представляющих финансовую ценность, в основном, это копии писем Фрейда к своим друзьям и коллегам, фотографии его библиотеки и знаменитой коллекции античных статуэток, цитаты из «Толкования сновидений», несколько произведений современного искусства, подаренных художниками Музею Сновидений Фрейда.

Кроме того, Музей имеет специальное выставочное пространство, которое служит галереей для временных выставок. Регулярно в Музее открываются новые художественные выставки, проходят лекции, концерты, семинары.

В первом зале Музея Сновидений, рассказывающем об истории психоанализа, биографии Зигмунда Фрейда, основных и важнейших идеях психоанализа, развития психики человека, представлены подлинники фотографий Зигмунда Фрейда, подаренные Венским Музеем.

Создавая Музей Сновидений Фрейда авторы исходили из нескольких важных задач. Одна из них – это попытаться совместить теоретические представления, идеи Фрейда с практическим воплощении в дизайн. Или, другими словами, сделать идеи первооткрывателя психоанализа более наглядными. А другая – сделать так, чтобы, попадая в Музей Сновидений, человек ощущал некоторую необычность, «странный» пространства.

В Музее по условиям экспозиции мало света, что положительно сказывается на состоянии документов. Остальные условия в пределах нормы.

Санкт-Петербургский Музей Сновидений Зигмунда Фрейда, наверное, является самым сновидческим, нематериальным и фантазийным музеем в нашем городе. Пространство, созданное как инсталляция, задумано таким образом, чтобы погрузить посетителя в атмосферу сновидения, грезы.

ОБ ОПЫТЕ РЕСТАВРАЦИИ КАЛЕК НАЧАЛА ХХ ВЕКА

Юлия Германовна Арчакова,

*художник-реставратор произведений графики
Реставрационной мастерской Государственного
Музея истории Санкт-Петербурга*

I. Введение

Вопрос о методах реставрации графических произведений, выполненных на бумажной кальке, уже неоднократно в истории реставрации поднимался, существуют опробованные на практике и опубликованные методики.

Художники и архитекторы использовали кальку из-за ее основного качества – прозрачности. Способы изготовления прозрачной бумаги различны. В зависимости от обработки бумаги получали кальки различного вида. До середины XIX в. наиболее распространенным являлся метод пропитки различными маслами. Самыми доступными были льняное масло, маковое, конопляное или любое другое растительное. Также часто употребляли растительный воск. Кроме прозрачности для художников очень важно, чтобы бумага была прочной, гладкой и плотной, чтобы тушь или краска не растекалась и хорошо «сцеплялась» с основой. Довольно часто для достижения всех необходимых свойств до конца XIX в. при изготовлении кальки бумагу обрабатывали кислотой, преимущественно серной. При такой обработке бумага становилась похожа на пергамент. С конца XIX в. кроме обработки растительными или минеральными маслами, воском, кислотой, для повышения прозрачности, стали применять и синтетическую смолу.

Конец XIX в. известен как период экспериментов с различными материалами во всех сферах искусства, науки и техники. Кальки, о которых пойдет речь, в данном случае относятся именно к этому периоду.

II. Основные проблемы, которые требовалось учитывать при реставрации калек:

1. чувствительность к малейшему увлажнению;
2. сложность расправления даже при соединении с равнопрочной основой из-за «привычки» кальки к скручиванию;
3. сложность подбора восполняющих утраченных фрагментов – отсутствие в наличии бумаги, близкой по всем характеристикам к реставрируемой кальке.

1. Реставрация рисунка, выполненного на кальке графитным карандашом «Портрет неизвестного», художник И. Боун, 1939 г., в Реставрационной мастерской Музея Бойманс ван Бенинхем, г. Роттердам, Нидерланды.

Реставрация произведения на кальке, поступившего в мастерскую Музея Бойманс ван Бенингхем, явилась проблемной для реставратора. Калька, на которой выполнен рисунок, жесткая, хрупкая; карандаш жирный, нестойкий к прикосновению. Калька сильно деформирована, углы скручены, по краям разрывы и утраты, сколы. В прошлом рисунок был наклеен на картон. В реставрацию калька поступила без картона, но фрагменты сорванного картона остались в тех местах, где она соединялась с картоном особенно крепко.

Удаление остатков картона

Скорее всего, рисунок пытались снять с картона, увлажняя водой, что и явилось, очевидно, причиной того, что калька деформировалась, сжалась, углы скрутились, к тому же образовалось множество затеков – от светло-желтого до темно-коричневого цвета.

Как уже сказано выше, реставрация кальки отличается от реставрации произведений на любой другой бумажной основе, так как калька моментально реагирует на влажность, даже самую незначительную, скручиваясь и деформируясь. В данном случае процесс реставрации усложнялся тем, что портрет выполнен жирным графитом, что имеет существенное значение: прикосновение лицевой стороны к любой поверхности могло повредить изображение.

Приняли решение проводить все операции на многослойной подложке («сэндвич» из ткани Eltoline tissue), что позволило расположить кальку на поверхности как бы в чуть подвешенном состоянии. Очень осторожно, скальпелем, легко прижимая участок, над которым проводилась операция, «всухую», чтобы избежать дальнейшей более сильной деформации, по возможности удалили остатки дублировочного многослойного картона. Оставшиеся слои картона удалили на вакуумном столе с помощью «припарки» Laponite. Laponite, удерживая своим весом кальку на столе, одновременно увлажнял и ее и остатки слоев картона.

Когда складки достаточно выпрямились, а фрагменты картона «набухли», включили вакуумный подсос и при помощи шпателей и тампонов сняли «припарку» и остатки картона. (Загрязненные тампоны постоянно заменяли сухими). Пожелтевшие места во время этой операции частично исчезли. По окончании процесса калька приобрела равномерный светло бежевый естественный цвет, пятна «ушли» полностью. Вакуумный стол оставался включенным до полного высыхания кальки. В процессе всей работы на вакуумном столе очень внимательно следили, чтобы графит не перешел на

подкладку. Перед выключением насосов рисунок накрыли листом из плотного полиграфического фетра и в таком виде кальку оставили до полного высыхания.

Тыльная сторона рисунка после удаления слоев картона

Разрывы и места стыковки восполнения утрат подклеили специальными реставрационными прозрачными полосками с клейким слоем. Подклейку выполняли

«всухую». По окончании реставрации рисунок поместили между листами плотного реставрационного картона до полного распрямления.

Рисунок после реставрации

Когда калька распрямилась, выполнили необходимые тонировки. Портрет поместили в специальное паспарту, предназначенное для длительного хранения.

Описанный выше метод реставрации кальки хорош, если реставрационная мастерская обеспечена современными средствами, что вполне распространено в европейских странах и больших музеях. К сожалению, не все музеи оснащены подобным оборудованием.

2. Опыт реставрации архитектурного проекта «Доходный дом на Зверинской улице, д. 20», выполненного на кальке (акварель, тушь, графит), архитектор Я. Г. Гевирц, 1911 г., в реставрационной мастерской Государственного Музея истории Санкт-Петербурга.

В Государственном Музее истории Санкт-Петербурга встал вопрос о необходимости реставрации архитектурного чертежа, выполненного на кальке в 1911 г. архитектором Я. Г. Гевирцем. Калька большого формата: 640 × 790 мм, с неровно обрезанными полями, имеет множество разрывов и больших утрат изображения по краям чертежа и в центральной части.

Калька плотная, деформация невелика, но калька не стойка к любому увлажнению. Мастерская не владеет новейшими техническими средствами, а размеры кальки превышают размеры самого большого пресса мастерской. Состояние кальки указывало на необходимость ее дублирования и наращивания полей, которые необходимы при монтировании в паспарту в случае экспонирования.

В отличие от кальки из Музея Бойманс ван Бенингхем, эта калька имела только поверхностные загрязнения – пятна грязи, которые поддаются сухой механической очистке. Процесс очистки выполняли «всухую» классическим методом – при помощи скальпелей, резиновой крошки и сухих тампонов. Тесты выявили устойчивость красок увлажнению, и основная проблема заключалась в характере поведения самой кальки – любое увлажнение могло привести к сильной деформации. Решили все процессы реставрации – укрепление разрывов, восполнение утрат, дублирование – проводить на предварительно подготовленной подложке из пластичной и прозрачной пленки Melinex. Кальку поместили на лист пленки лицевой стороной вниз и равномерно увлажнили мельчайшей «водяной пылью» из распылителя, оснащенного специальным насосом. Калька в этом случае оказалась довольно пластичной, что позволяло одновременно при увлажнении в тот же момент расправить участок за участком. Процесс требовал очень большого внимания. Требовалось следить за поведением красок и в то же время за равномерностью увлажнения (калька совершенно не впитывала влагу и имела свойство быстро подсыхать). По этой причине расправленные участки сразу же покрывали полиэтиленовой пленкой, заранее специально скрученной, чтобы действие происходило быстро. Расправление проводилось методом, подобным методу расправления японской бумаги – веерообразно, от центра к краям.

Как только чертеж был расправлен, кальку дублировали двумя слоями микалентной бумаги, предварительно подготовленной по размеру и по направлению волокон. (Продольному направлению волокон в одном листе соответствовало поперечное в другом.) После дублирования чертеж накрыли листом плотного полиграфического фетра, размер фетра на 0,5 см меньше кальки с каждого края.

К свободным краям приклеили полоски (стрипсы) из плотной японской бумаги, в местах соединения волокна расчесали так, чтобы они были строго перпендикулярны краю. Когда стрипсы были подклеены, а лист сукна впитал в себя основную влагу, кальку поместили между двумя листами фетра и нейтрального картона и оставили под прессом из нескольких листов картона до полного высыхания. Листы сукна меняли в течение суток. Затем высохший лист кальки приклеили за стрипсы к заранее подготовленному реставрационному картону, а утраченные фрагменты восполнили подобранный по качеству и цвету бумагой. Операция восполнения выполнялась «всухую» с лицевой стороны, края восполняемой бумаги и края основы соединяли стык-в-стык. После восполнения утрат кальку поместили между листами фильтровальной бумаги под пресс из десятка листов реставрационного картона. Далее продолжали прессование до полного

распрямления кальки. Необходимые тонировки выполнили цветными графитными карандашами.

По окончании реставрации чертеж поместили в паспарту для длительного хранения.

Резюме

Конечно же, новейшее оборудование и технические средства, такие как вакуумный стол, электроскальпели, ультразвуковой парообразователь и др. значительно помогают реставратору. Вакуумный стол позволяет выдерживать большие форматы в распрямленном состоянии при минимуме увлажнения, что облегчает выполнение многих реставрационных операций, в особенности с произведениями, чувствительными к увлажнению.

Метод растяжения кальки с помощью стрипов из японской бумаги помогает равномерно растянуть кальку во всех направлениях. Это особенно важно при реставрации произведений большого формата. Еще одно важное преимущество метода в том, что калька не теряет своего главного качества – пластичности и прозрачности, в отличие от метода дублирования кальки «сэндвичем» из плотных листов.

Описанные выше методы реставрации можно применять не только при реставрации кальки, но и при реставрации большеформатных произведений, требующих очень деликатного обращения.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Автор благодарит администрацию Музея Бойманс ван Бенингхем, предоставившую необходимое современное оборудование для выполнения опытов реставрации произведений искусств, выполненных на различных материалах и в различных техниках.

Особая благодарность Л. И. Крякиной – реставратору Института востоковедения Академии наук, оказавшей консультацию по восточным методам реставрации.

РЕСТАВРАЦИЯ ГРАВЮР ПАРМИДЖАНИНО

*Валентина Александровна Козырева,
заведующая Лабораторией научной реставрации графики
Государственного Эрмитажа, реставратор высшей категории*

В Государственном Эрмитаже хранятся соединенными в альбомы графические работы Пармиджанино – известного художника XVI в.

Альбомы поступили в Эрмитаж в конце XVIII в. Они включают в себя как оригинальные гравюры Пармиджанино, так и выполненные по его произведениям. Гравюры имеют высокую художественную и эстетическую ценность, и, кроме того, альбомы являются прекрасным примером коллекционирования в XVIII в.

Хранение произведений графики в альбомах очень удобно, так как позволяет соединить разрозненные работы в одну коллекцию. Вместе с тем изъятие отдельных гравюр из альбома при подготовке их к экспонированию или для выполнения исследований представляет собой сложную задачу.

Гравюры, выполненные в технике офпорта, резца, кьяроскуро, помещены на плотные листы бумаги, изготовленной из тряпичных волокон, и приклеены к ним разными способами – углами и краями листа, полосками тонкой бумаги по краю и т. п. Многие произведения из-за плохого состояния ранее дублировали и наклеивали прямо на альбомный лист. Химические анализы показали, что применялся растительный клей. Это важно, так как использование растительного клея позволяет выполнить удаление гравюры из альбома без его разборошорования, используя разные способы увлажнения, в том числе локальное увлажнение.

Офорты, которые нам надо было «освободить» выполнены на тонкой «тряпичной» бумаге – хрупкие, сухие, чувствительные к увлажнению (его следовало выполнять очень осторожно). Работу доверили ведущим реставраторам Лаборатории О. В. Машневой, Е. В. Рудакас, Т. А. Сабяниной, Е. Ф. Татарниковой, Е. П. Шашковой. Применили метод отдаленного увлажнения. Альбомный лист помещали между двумя слоями тонкого холитекса, затем гортекса и увлажненных слоев фильтровального картона. Использование гортекса позволило осуществить мягкое увлажнение и смягчение основы. Влага просачивалась в виде «холодного пара», и при этом растительный клей постепенно размягчался. Отделяли листы, пользуясь тонким бамбуковым ножом. Затем удаляли следы потемневшего клея.

Многие гравюры, выполненные в технике кьяроскуро по размерам оказывались больше альбомных листов. При помещении в альбом их приклеивали по фальцу сложенными вдвое, а иногда и вчетверо. В этом случае для снятия гравюр применяли специальный способ отпаривания с помощью пароувлажнителя.

Для удаления следов клея использовали густой раствор метилцеллюлозы.

После отделения произведений от альбомных листов на обратной стороне «открылись» пометы коллекционеров, выявились «водяные знаки». Гравюры стали готовить к экспонированию.

НАШИ УНИВЕРСИТЕТЫ

РАСПРОСТРАНЕНИЕ МИКРОСКОПИЧЕСКИХ ГРИБОВ И ЗАСЕЛЕННОСТЬ ИМИ БУМАГИ

*Елена Анатольевна Попихина,
научный сотрудник ФЦКБФ*

Бумага – одно из гениальных изобретений человечества – в течение веков служит для хранения информации. В библиотеках и архивах всего мира собраны огромные массивы документов. Проблема состоит в ослаблении или предотвращении влияния на них окружающей среды, в частности биологического фактора.

Ущерб от биологических вредителей может быть более значительным, чем от других неблагоприятных факторов: он приводит к повреждению или полной утрате уникальных документов, затрудняет реставрацию.

В число биодеструкторов входят микроскопические грибы – микромицеты. В воздухе книгохранилищ и на поверхности документов они присутствуют в виде спор или фрагментов мицелия. Мицелий обычно высыхает и быстро теряет жизнеспособность. Споры же сохраняются на самих объектах, на окружающих предметах, в воздухе.

Повреждение грибами – комплексный прогрессирующий процесс, соответственно зоны повреждений постоянно расширяются.

Бумага представляет собой для грибов питательную среду и опорный субстрат. При относительной влажности воздуха выше 65 % создаются условия, способствующие развитию грибов. Мицелий легко проникает в толщу бумаги и распространяется в ней, разрастание мицелия приводит к его механическому сплетению с волокнами, при этом нарушается текстура бумаги.

Биохимические реакции протекают с большой скоростью благодаря участию природных катализаторов – ферментов. Ферменты функционируют во всех живых организмах, и осуществление общих для всех клеток метаболических превращений является следствием специфичности соответствующих ферментов. В процессе разрушения целлюлозы грибами участвуют ферменты целлюлазы и большинство грибов на бумаге обладают целлюлазной активностью (способность фермента-катализатора разрушать субстрат).

Целлюлазоразрушающая способность ярко выражена у грибов *Penicillium* из секции *Biverticilata-symmetrica*, у представителей родов *Alternaria*, *Cladosporium*, *Chaetomium*, *Myxotrichum*, *Sporotrichum*, *Stachibotrys*, *Stemphylium*, *Trichoderma*, *Ulocladium*, *Veritcillium* и некоторых других. Весьма часто сообщества грибов на бумаге строятся на взаимной полезности. Целлюлазный компонент C_1 свойствен немногим микроскопическим грибам (к ним относятся виды рода *Trichoderma*), а компонент C_x – большинству. Например, разрушение природной целлюлозы компонентом C_1 *Fusarium solani* освобождает целлюлозу, хорошо доступную для грибов рода *Stachibotrys*, поэтому они поселяются совместно. Такое сожительство приводит к совокупному усилиению ферментативной активности. Грибы, у которых отсутствуют целлюлазы, часто растут в соседстве с целлюлазоразрушителями благодаря тому, что последние образуют легко усваиваемые побочные продукты жизнедеятельности. Например, лимонная кислота, образуемая *Aspergillus niger*, используется как источник углерода грибами серии *Penicillium expansum*. Образуемые *A. flavus* кислоты тормозят развитие *Fusarium cultorum*, *Trichothecium roseum*, *Cladosporium herbarum* и других грибов.

Основным природным резервуаром, из которого происходит пополнение микроорганизмами наземных объектов, является почва, а воздух служит средством их переноса. Документы по отношению к окружающей среде ведут себя как открытые

системы, через границы которых происходит постоянный воздухообмен. Микроорганизмы, попадающие в воздух помещений из почвы и зеленых насаждений через форточки, с внесенными предметами и людьми, являются источником заражения библиотечных и архивных материалов.

Часто здания крупных библиотек и архивов находятся в промышленных городах. На урбанизированных территориях создается высокий уровень влияния антропогенного фактора (различные типы городского, промышленного, сельскохозяйственного загрязнения, нарушение растительного покрова и другие). Городская среда имеет свои особые микробиологические свойства, в ней формируются специфические, отличные от зональных грибные комплексы.

Представители видов *P. chrysogenum*, *P. granulatum*, *P. vulpinum* становятся доминантными в различных компонентах окружающей среды (почва, воздух, поверхность растений) некоторых городских местообитаний.

Накопление тяжелых металлов способствует появлению устойчивых к большим концентрациям металлов видов: *Penicillium funiculosum*, *P. purpurogenum* var. *rubrisclerotium*, *P. lilacinum* и *Aspergillus terreus*. При снижении объемов производства микромицеты достаточно быстро реагируют своей перегруппировкой видов, увеличением видового разнообразия и уменьшения количества некоторых видов в промышленной зоне, таких как *Penicillium frequentans* и *Aphanocladium aranearum*. В городских условиях чаще встречаются темноокрашенные виды *Cladosporium cladosporioides*, *Alternaria alternata* и пикнидиальные грибы вида *Phoma glomera*.

На динамику процесса микробной зараженности воздуха оказывают влияние метеорологические факторы, состояние атмосферы в различные сезоны года, скорость ветра, наличие осадков и прочее.

Атмосферная влажность действует не только на рост и плодоношение грибов, но также на рассеивание спор и их распространенность. Количество в атмосферном воздухе спор грибов *Fusarium*, *Phoma*, *Cephalosporium (Acremonium)* и *Trichoderma*, которые требуют наличия свободной воды, может резко возрастать и снижаться. Сухое рассеивание спор увеличивается в зависимости от скорости воздушных потоков и уменьшается во влажный период, часто достигая пика в солнечный полдень.

Зимой количество микроорганизмов в воздухе помещений обычно минимальное, летом и особенно осенью достигает максимума. Интенсивное проникание микроорганизмов в хранилища происходит весной и осенью в сухую теплую погоду. Зимний период благоприятствует очистке воздуха помещений и в силу улучшенного теплового обмена и благодаря малой загрязненности поступающего воздуха. В северных широтах преобладают микромицеты родов *Penicillium* и *Micor*, а в южных – рода *Aspergillus*, но многие из грибов, известные как разрушители бумаги, встречаются непременно во всех хранилищах. Представители родов *Chaetomium*, *Stachybotris*, *Stemphylium*, *Cladosporium*, *Aspergillus*, *Penicillium* и некоторых других отмечаются повсеместно. Вероятно, климатические факторы не оказывают решающего влияния на микрофлору бумаги, так как в помещении складов, библиотек, архивов, музеев благодаря отоплению и вентиляции условия примерно выравниваются.

Интенсивность света и продолжительность светового дня также затрагивают споруляцию у некоторых разновидностей *Cladosporium*. Естественное ультрафиолетовое излучение часто способствует формированию спор, но также может и вредить жизнеспособности грибов или никак не влиять на рост культур. Однако у некоторых микромицетов обнаружена высокая устойчивость к ультрафиолетовому воздействию родов *Cladosporium* и *Stemphylium*.

Среди грибов, характерных для бумаги, более 20 родов включают возбудителей и участников развития заболеваний человека. Выявленные на бумаге грибы групп *Aspergillus flavus*, *A. glaucus*, *A. nidulans*, *A. niger*, *A. terreus* и особенно *A. fumigatus* известны как опасные для человека.

В литературе описано микробиологическое состояние хранилищ разных стран. Исследования, осуществленные в 1950-1960 гг. в польских библиотеках и архивах показали, что воздушная микрофлора в варшавских архивах представлена микромицетами родов *Cladosporium*, *Alternaria*, *Stemphylium*, *Penicillium*, *Aspergillus*, *Epicoccum*, *Scopulariopsis*, *Cephalosporium*, *Fusarium*. В библиотеке Варшавского университета чаще всего встречались *Phoma*, *Stysanus*, *Stachybotris*, *Gliomastix*, *Chaetomium*, *Trichoderma*, *Paecilomyces*, *Botrytis*, *Rhizoctonia*, *Humicola*, *Rhodotorula*.

В 1974 г. в Испании пробы, взятые в одном из мадридских музеев и находящейся при нем библиотеке, обнаружили наличие следующих микроорганизмов: *Rhizopus nigricans*, *Aspergillus flavus*, *A. niger* и другие виды *Aspergillus*.

При обследовании воздушной микрофлоры Гаванского национального архива, осуществленного в 1989 г., обнаружен более высокий процент *Aspergillus* (36 %), *Penicillium* (23 %), *Cladosporium* и *Fusarium* (10 %), *Rhizopus* (6 %), а также меньшее количество видов, относящихся к семействам *Alternaria*, *Syncephalastrum*, *Curvularia* и *Trichoderma*.

Исследования биологов Центрального института патологии книги в Риме в 1950-1970 гг. показали качественное сходство результатов, полученных в Италии, и в других странах: преобладание *Penicillium* и *Aspergillus*, а также постоянное наличие темноокрашенных микромицетов.

В 1976 г. исследования выполняли в Национальной библиотеке в Риме. В каждом из книгохранилищ обнаружены различия между зонами вблизи термовентиляторов и удаленными от них. В последнем из этих случаев обнаружено меньше микроорганизмов, чем в первом.

В 2000 г. исследование печатной продукции и состояния воздуха хранилищ в Книжной Палате Украины показало, что в хранилище изопродукции доминировал *A. repens* с частотой встречаемости 50 %. В хранилище листовой продукции довольно часто встречались *A. versicolor* (42 %), *Cladosporium cladosporioides* и *Chaetomium globosum* (33 %). В хранилище периодических изданий доминировал *P. expansum*. Выявлены также неспороносящие культуры *Mycelia sterilia* и актиномицеты.

Исследования воздуха проводились в Российской Государственной библиотеке в Москве в основном хранении и книгохранилище в Химках. Микробиологический анализ воздуха показал, что доминирующими по плотности популяции были грибы рода *Cladosporium* и *Penicillium*. Представители рода *Aspergillus* не доминировали по плотности популяции, они составляли 5 %. Но если в разных местах хранилища и на разных уровнях виды этого рода выделяли не часто, то на уровне пола и перекрытия обнаруживали повсеместно.

В Государственной республиканской библиотеке в Вильнюсе (Литва) результаты отбора проб в 1986 и 1987 гг. с поверхности документов показали, что наиболее обильными оказались следующие виды: *Aspergillus niger*, *A. fumigatus*, *A. flavus*, *Ghaetomium globosum*, *Mortierella polyccephala*, *Penicillium citrinum*, *P. cyclopium*, *P. cyaneofulvum*, *P. radulatum*. Все грибы этих видов, за исключением *Mortierella polyccephala* и *P. radulatum*, являются активными целлюлозоразрушителями.

Материалы, из которых состоят документы, хранящиеся в библиотеках и архивах мира, являются экологической нишой для микромицетов. При условиях, благоприятных для их развития, грибы повреждают документы.

Рис. 1. Колонии микромицетов, выросших на среде Чапек-Докса в чашках Петри, при отборе проб воздуха седиментационным методом, время экспозиции 1 ч

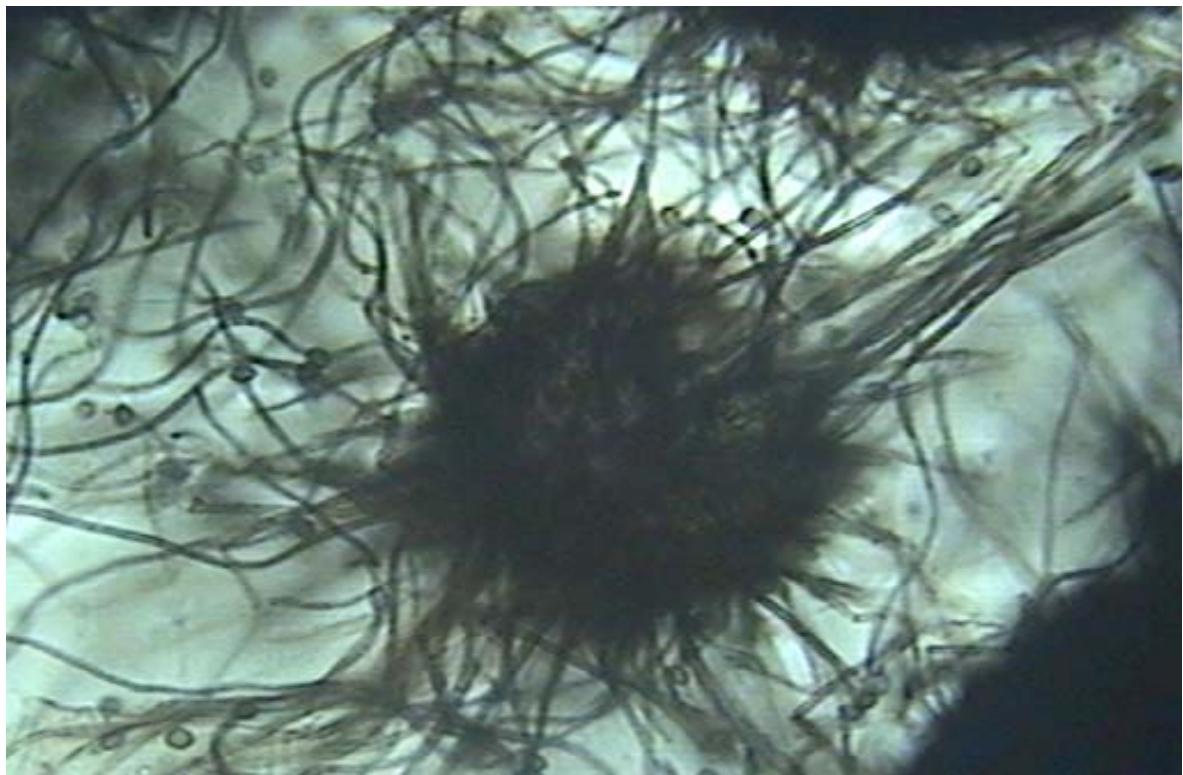

Рис. 2. *Chaetomium globosum* Kze. : Fr. – активный разрушитель целлюлозы бумаги (ув. x 160)

О НАШИХ КОЛЛЕГАХ

ПЕРВАЯ БРИГАДА «РОМОВЦЕВ»

*Евгения Семеновна Чернина,
научный сотрудник ФЦКБФ*

Первопроходцам всегда трудно. С 1969 г. утекло много времени, но в Федеральном Центре консервации библиотечных фондов хорошо помнят, кто начинал трудную и почетную работу на РОМ. Реставрационно-отливная машина – первая поточная линия – состояла из ряда отдельных узлов: ролла для размола бумажной массы, мешалок, отливной формы, пресса, сушильного барабана – все это было довольно больших размеров и размещалось в цокольном этаже на набережной р. Фонтанки, 36. Вернее, даже не в цокольном, а в углубленном цокольном, так как центр помещения специально углубили для основных рабочих установок. Метод восполнения утраченных частей листа бумажной массой был изобретен заведующей Отделом гигиены и реставрации книги (ФЦКБФ) Юлией Петровной Нюкшой еще в 1956 г., а конструкция 1969 г. разработана ею же совместно со специалистом лаборатории Маргаритой Григорьевной Бланк, конструкторами ВНИИБа и Завода бумагоделательных машин. Механизация, сложная и необычная, впервые входила в практику работы Отдела, трудностей было, казалось, невпроворот, и требовались энтузиасты. Ими и стали Лидия Константиновна Романова, Валентина Сергеевна Плотникова, Ирина Михайловна Золотова. Они были разные – эти «первопроходцы». Наиболее активным членом «тройки» являлась В. С. Плотникова – шумная, яркая, толковая, готовая «лечь костью», чтобы выполнить задуманное. В шестидесятые годы она работала и училась (отлично училась!) в вечерней школе, растила дочку (умницу и красавицу), великолепно справлялась с ручной реставрацией, организовывала все отдельские праздники, кидалась на помочь любому, кто в этом нуждался. Ни одно дело в Отделе не проходило мимо нее. Л. К. Романова – химик-педагог по образованию, северянка, которую судьба занесла в наш туманный город – всегда спокойная и уверенная в себе, трудолюбивая и старательная. И. М. Золотова – подруга Плотниковой в еще «дебиблиотечные» времена, которую последняя и привела в Отдел, помогла освоиться, «заразила» любовью к реставрационному делу. Золотова, реставратор высокой квалификации, и сейчас работает на Фонтанке, 36. Аккуратная, работоспособная, с необычной судьбой. Ее судьба нас тогда в шестидесятых просто потрясла: не окончив десятилетку, она ушла в мореплавание, работала на судах, бороздивших чужие моря. Корабли ходили в «загранку», а эта «загранка» была для нас чем-то равносильным космосу – недосягаемым и неправдоподобным. С ума сойти! – Золотова рассказывала о Рио-де-Жанейро, о котором мечтал Остап Бендер. На корабле она познакомилась с будущим мужем, и, «сойдя на берег», все равно осталась связана с море.

Наши «ромовцы» не только хорошо работали, но и умели замечательно петь. А мы, в дни праздников, с удовольствием слушали и подпевали.

Затем бригаду расширили: в нее «влились» Надежда Александровна Забродкина и Екатерина Захаровна Галкина, а потом пришли новые сотрудники и начали осваивать уже следующую модель РОМ. И машина работала. И иностранцы по-прежнему приезжали, восхищались, что-то записывали и срисовывали, но это была уже новая «эра» механизированной реставрации.